

Интервью с Бушуевой Анжелиной Владимировной

Интервью взято Робертом Латыповым 2 октября 2004 года

Роберт: Я распечатал некоторые вопросы из нашего первого интервью.

Бушуева: Ну, давай.

2 октября 2004 года. Представьтесь еще раз, пожалуйста.

Бушуева Ангелина Владимировна. Тебе еще год рождения надо? 1936 г., 19 марта, весной родилась. Приходи на день рождения.

19 марта? Если позовете, обязательно приду.

(Смеется).

Можете прийти сюда, предупредив, тогда мы вам стол накроем, Ангелина Владимировна. Когда мы с вами беседовали в первый раз, то там где-то более ли менее подошли к 1956 г., в 1953 г. умер Сталин, помните?

Да.

Давайте немного еще об этом. Какие были ощущения? Где вы были? Чем занимались?

Я училась в педучилище, на 2 курсе. Сталин умер в марте, у нас сразу было общее собрание. Мы пришли в училище и сразу все выстроились в коридоре, включили радио, слушали по радио «Известия». Потом выступали все учителя. На этот день или на следующий вышли газеты. Я даже газеты храню.

У вас есть газеты того времени?

Да. Я храню газеты тех дней. Выступление Берии там есть. Еще какие-то выступления. Мы все стояли, все плакали, все переживали. Кто охал, кто ахал. Мы же не были тогда насторожены, что он «враг народа». Поэтому мы не наблюдали, не замечали как реагируют люди на это с другой точки зрения. Без слез. Именно всех пугало, что будет с Россией, что будет с нами. Раз привыкли, что нами руководит один единственный человек. Что он всё знает. Обо всех заботится. Такая ведь вера была. Что Сталин нас не бросит. А тут вдруг его не стало. К кому мы попадем. Боялись будущего. Страх перед будущим. Пришла я домой, я жила у бабушки.

Напомните, как звали бабушку?

Мария Федоровна Каменщикова. Она была очень расстроенная. Она была у нас учителем. И вот у нас разговор. Мы с ней за самоваром сидели, и все обсуждали всегда. Вдвоем. Я приду в 2 – 3 часа, дома никого еще нет, бабушка у самовара сидит, и всё обсуждаем. И вот она говорит: «Лучше бы я умерла, а он бы жил». Вот теперь-то я бы сказала: «Бабушка, о чем ты говоришь?» У неё пострадали: дочь – это моя мама, зять – мой отец. Её муж был гонимый. Он же был священник. Жив остался, правда. Умер своей смертью, но всё равно он был гонимый. Всё равно бабушка последние годы не могла с ним вместе жить в своем собственном доме в Усолье.

...И внуки пострадали, в лагере жили.

Ну, конечно, конечно. В лагере мы жили немного. Мы были в детском доме долго. Потом к маме приехали, мама была на поселении уже. А вот брат-то мой, он 8 лет прожил в лагере. На нем это сильно отразилось.

И бабушка сказала о том, что лучше бы она умерла?

Да, сказала: «Лучше бы я умерла». Она с 1875 г., а Сталин с 1880 г. – моложе ее. Она и говорит: «Мне бы пора умереть-то, я бы лучше умерла, а он бы жил». Чтобы он еще натворил, если бы жил?

А вообще тон учителей и прочих, он какой был? Такой же как обычно? Восхваление Сталина?

Мы же пели песни тогда. Китайцы, помню, к нам приехали потом в 1954 г. Мы пели: «Мао и Сталин слушают нас». Помнишь эти песни?

Нет.

Пели мы такие песни. «Москва – Пекин, Москва – Пекин, Мао и Сталин слушают нас, они заботятся о нас, думают о нас». Так ведь? Везде плакаты были. У меня даже есть фотография. У нас был хор в педучилище, факультативный хор назывался, и вот за нами портрет Сталина в траурной рамке.

Вы сказали, что сохранились газеты, вырезки или сами газеты?

Сами газеты.

Что за газеты? Местные или центральные?

Местные. По-моему, «Звезда». А из центральных не помню что.

А почему их сохранили?

Да просто так. Я отложила тогда. Траурный день, такое событие. Что будет с Россией потом. Посмотреть, кто выступил. Кто о чем говорил. Интересно ведь. Для будущего интересно. Ну и отложила в папочку. Лежат они. У меня есть полёт Гагарина. 1961 года.

А ещё какие газеты есть?

Я принесла Калиху газетку о создании Мемориала. «Зона 36». Старые газетки храню.

А ещё какие газеты есть?

Была «Пионерская правда», я ее летом отдала для музея. 1957 года была «Пионерская правда».

А что в музее делали?

Эти летом в лагере устраивали встречу с прошлым. Игра была. Собирали.

Да, это интересно. А какие еще советские газеты есть?

Надо посмотреть, еще какие-то есть.

Вы собирали газеты по каким-то значимым датам?

Да. Посмотрю, интересная газетка – отложу.

Это для вас какая-то веха в истории, в вашей личной судьбе?

Даже представления не имею, почему я это откладывала. Как будто знала, что буду заниматься «Мемориалом». Я вообще историю никогда не любила. Я ее не учила. Учила – «пяты» получала, потом не учу – «двойки». Потом выучу – опять «пятерки»! Вот почему-то историю не хотелось мне учить. Противоречий же было много в истории. И эти противоречия меня всегда возмущали. Поэтому и не учила. Одно говорит об одном. Другое говорит так. Выступления же разные были в истории, помнишь? Как тут запомнишь? Вопросов было очень много, почему так?

Когда вопросы возникли?

Я очень активная была в общественной жизни и уже в пятом классе я была председателем совета отряда в Никулино (деревня в Добрянском районе Пермской области, где семья Ангелины была после лагеря – прим. Л. Р.). И приходилось мне заниматься с малышами – с октябрятами, в пионеры принимали. Надо было им все рассказывать. И это же была деревня. Далекая деревня, за 200 км до большого города. Жизнь людей была ужасна. Частушек была куча сочинена про Сталина, про жизнь. Там милиции нет. Никто их не преследовал за это. Они распевались очень смело. Особенно на праздниках, когда пьяные напьются. Но ведь ребята-то спрашивают. Ребятам надо как-то это все объяснить. Ну и я сводила все это к песням, к тому, что дети должны помогать. К тимуровскому движению больше.

То есть с детишками разучивали пионерские песни?

Разучивали песни, разжигали костры, ходили по домам. Ходили с плакатами, с барабанами, с горнами по деревне. У нас там был памятник погибшим во время Великой Отечественной войны из Никулино.

А из взрослых кто-то был в вашей пионерской организации? Старшая вожатая, директор?

Не помню. Была у нас старшая пионервожатая или нет. Директор был – Руднев Василий Николаевич, он до сих пор жив, в Добрянке живет. Его дети тут какие-то

хорошие должности занимают. Он у нас был такой – честь школы для него всё! Чтобы школу не позорили. У нас были праздники в честь школы постоянно.

А вот эта ваша активность, которая проявилась еще в пионерском возрасте, как она дальше развивалась? Вот вы сказали, что были пионервожатой.

Потом поступила в педучилище, вместо авиационного техникума. У меня были склонности к математике, надо было идти, а я пошла в педучилище. Но я больше из боязни туда поступила. Ну, а в училище меня, конечно, избрали секретарем комсомольской организации.

Сразу?

Нет, не сразу. На третьем курсе. Всего курса уже. А сначала была в группе, потом на курсе. А что мы делали, я не помню даже. Собирали собрания, устраивали праздники. Боролись с тем, чтобы не было неуспевающих, чтобы хорошо посещали. Чем комсомол занимался раньше? Чтобы хорошо учились, чтобы стипендию получали все, чтобы посещали.

А вот этот девиз: «Партия сказала: надо. Комсомол ответил: есть!», это было важно тогда?

Да, это было важно. Потом, когда я уже поехала работать в Соликамск, была старшей пионервожатой в детском доме. Мы часто собирались на семинары комсомольских работников при городской администрации. Там у нас всегда шел разговор, чтобы комсомольцы были в первых рядах. Почему в комсомол вступали? Я даже помню своё заявление: «Хочу быть в первых рядах передовой молодежи».

Это было общестандартно?

Нет, не общестандартно. Но надо было, чтобы ты обязательно занимался общественной работой. Если ты ею не занимаешься, то в комсомол не очень-то принимали. А что ты сделал для государства, для народа, для детей, для школы?

То есть вы бы не сказали, что в комсомол принимали всех подряд?

Нет. Не принимали всех подряд.

У многих людей сложилось впечатление, что принимали всех подряд и это было очень важно.

Это знаешь где, это уже в училище. Вот в училище поступали, чтобы обязательно были комсомольцы. У нас только одна девочка была не комсомолка. Она была из семьи верующих. Поэтому она единственная была не комсомолка. Поэтому ее при распределении, куда отправили – туда и поезжай, а остальных, особенно кто хорошо учился, кто был общественник, с теми считались при распределении. Предлагали несколько мест на выбор, и человек мог выбрать.

А почему вы выбрали Соликамск?

Я не выбирала. Так получилось. Я из-за Нади Лучниковой. Надю Лучникову отправили в Соликамск, в детский дом работать. Я рассказывала, было пять подруг, все вместе, из одного места – из Курьи, вместе ездили учиться, всегда вместе. Она одна была не комсомолка, а те все комсомолки. Они трое или четверо получили распределение в Щучье озеро, а Надя отдельно. Но там было место еще одно, и направили другую девочку, Раю Пестову. А у Раи Пестовой была больна мама, и сама Рая заболела, у нее ноги были больные, и ей надо было остаться в городе. А я в городе, меня запросила директор 33-ей школы, я там проходила пионерскую практику. Еще и мама тут посодействовала, потом пришла: «Пожалуйста, не отправляйте никуда её». Я говорю: «Зачем ты ходила? Я ведь сама знаю, что никуда не поеду, тут остаюсь». Когда так получилось, к кому они пойдут? К секретарю комсомольской организации. Они ко мне и подошли, эти девочки, что вот, так и так, получилось несправедливое распределение, что сделать, как быть? Ну и я пошла в распределительную комиссию и сказала, что еду в Соликамск. Меня спросили: «почему?» Я сказала, что вся моя родня из Соликамского района, бабушка из Усолья. Но она пермская бабушка, она работала там, в Усолье, мама в Усолье родилась. И там детский дом, я сама в детском доме была, я знаю этих ребят и поеду работать в детский

дом вожатой. Раю оставили здесь, в 33-ей школе. А Надя пусть едет со своими подругами. Так и сделали, пошли мне навстречу.

А для вас это был хороший выход?

Хороший. Мне понравилось. Плохо чем было, у нас все равно здесь не было квартиры, мы снимали. А там я приехала, мне сразу дали комнату в общежитии, в бараке, отдельную.

Другим девочкам также?

Да, в Щучьем озере там хорошо было, это же район, сельская местность, там учителям предоставляли жильё.

Они уважаемы люди были?

Да, они сейчас все очень уважаемые. Все девочки, заслуженные учителя многие.

А как дальше развивалась ваша общественная активность?

В детском доме я работала вожатой, самая активная работа. А в посёлке, в самом Соликамске мы вообще подняли комсомольскую организацию. Мы добились, чтобы нам построили клуб, мы даже сами помогали в строительстве. Потому что молодёжи некуда было деться, все пьянствовали. Мы написали в «Комсомольскую правду» письмо, что количество населения такое-то, молодёжи столько-то, нам негде собираться. Мы то в школе собирались, то в детском доме, то в моей пионерской комнате, она у меня маленькая была. Негде было собираться. Хотя бы кружки организовать, самодеятельность, увлечь молодёжь. И мы создали там и хоровой, и танцевальный. На всех выборах, праздниках мы устраивали концерты, и вся молодежь с нами была. Весело нам жилось.

И там с площадкой?

Площадка у нас была в детском доме, у пруда. У нас там два пруда и между прудами мы устроили такую площадочку. У нас там было много немцев, а они ведь одаренные. Среди немцев многие играли на баянах, аккордеонах. И вот сами играли, а остальные танцевали. Потом мы в детском доме создали оркестр, мальчишкам подарили духовой ансамбль, духовые инструменты и у нас был духовой ансамбль. И ребята играют, и молодёжь занята, и старики тут. Весело было.

Это была ваша деятельность?

Да. И ещё что мы. Там народ был такой, что книжки читать некогда. Никто в библиотеку не ходил. Я ходила в библиотеку, книги читала, попросили меня девочки из библиотеки: «Давай как-нибудь организуем интересные книжки читать по баракам». Мы прямо распределили, кто, когда в какой барак ходит. И ходили, я, например, приду, спрашиваю: «Книжки читать будем?» «Будем». Все выходят, я сажусь и читаю вслух какую-нибудь интересную книжку и вокруг меня кто с вязкой, кто починяет что-то, кто сидит. Много собиралось народу. Читали книжки и люди начали ходить в библиотеку. Хорошее дело. Потом я еще, когда жила в Ялте, работала там в детском садике, там у нас было очень много неграмотных, таких, кто даже не умел расписываться. И мы там организовали учебу старушек этих неграмотных. Даже за пенсию не могли расписаться.

То есть устроили курсы ликбеза?

Да. Ликбез (сокращённо от «ликвидация безграмотности» – прим. Л. Р.). Ходили по домам и учили читать. Старушек там у нас было три и два старика. Учили грамоте.

А до какого срока вы были комсомолкой?

Комсомольский билет так и остался у меня.

А вообще до каких лет были в комсомоле?

До 30.

Комсомольский билет у вас остался?

Остался.

Вам предлагали вступать в партию? Когда в первый раз?

Предлагали. На заводе. Я поехала за границу. Дали мне путевку от комсомольской организации в Польшу.

Это на каком заводе?

На ДС, это «Морион». Это был 1970 год.

Сколько вам лет тогда было?

36. А тогда как, за границу едешь, путёвка была от комсомольской организации, но надо было обязательно пройти все собеседования. Сначала на заводе, в комсомольской организации, в партийной организации, в первом отделе. Потом нас вызывали в облсовпроф.

Что такое облсовпроф?

Совет профсоюзов. Без разрешения простой обыкновенный человек не мог съездить за границу. Надо обязательно было, чтобы человек был подготовленный. Чтобы он за границей вел себя достойно. Чтобы не скомпрометировал наше государство, так ведь? Чтобы лишнего ничего не сказали. Чтобы вели себя прилично. Чтобы не знакомились с кем ни попадя. Чтобы не входили в какие-то организации. Чтобы все это было организовано. Поэтому выбирали людей более или менее достойных. И с ними проводили такие беседы.

Чтобы они были идеологически подкованы?

Да, подкованы. И главное последняя рекомендация от наших наивысших организаций. В облсовпрофе нас всех собрали в последний раз, побеседовали с нами.

Сколько вас было человек?

Полный автобус. 45, наверное, человек.

А вот про партию?

Я пришла к секретарю партийной организации нашего завода, там было несколько человек. Спросили, «почему вы хотите поехать?» Я говорю: «Как я хочу, вообще-то разговора не было, что я поеду за границу, но предложили, от комсомола, я же не напрасно же я здесь работала, предложили, я согласилась. Интересно же, как живут за границей». Тем более Польша. У меня в роду поляки. Я об этом, правда, никому не говорила, но самой-то интересно. Я согласилась поехать, заслужила. Мне сказали: «Да, все это хорошо. Рекомендации все хорошие. Работаете. Ведете себя хорошо. Занимаетесь общественной работой. Ну, а как насчет партии?» Я говорю, «Ну, не знаю». А они мне говорят: «Вот сейчас вы едете за границу, пишете заявление, что вы будете приняты в кандидаты, приедете, там будем с вами разговаривать». Я говорю: «Ну, ладно, постараюсь». Но я не написала ничего. А мне наш Урюпин напрямую и говорит: «Вот едешь – ты не член партии, а приедешь, будешь член партии, договорились?» Ладно, договорились, а сама не поступала в партию. Мне не нравилось.

Как тебе сказать, у нас такой рабочий участок, конвейер был. И на конвейере работали члены партии. Женщины, молодёжь вступают в партию. Я говорю: «Зачем ты вступаешь в партию?» «А ты чего не вступаешь?» А я говорю: «Так если там такие люди как ты, как другие, так зачем мне в партию?» Мне не нравились. В партии плохо было.

А почему?

Ну, взятки там, взяточники, друг друга проталкивали. Им давали какие-то пайки. Они что, выборные люди. Они должны быть как все. Как у нас сейчас в правительстве. Они получают 27 тысяч, а обычный человек получает 1 тысячу. Это справедливо? Это не справедливо. Такая партия меня не устраивает.

Вы были честным, активным, хорошим пионером. Потом честным активным комсомольцем, а потом пришла возможность вступить в партию и быть честным активным партийцем, но вы на этом остановились. Что сыграло свою роль? То, что у вас стало больше опыта?

Да, я активный человек. Конечно, опыта стало больше, 36 лет или 15? Разница есть. Я уже больше понимала.

Приведите какие-нибудь примеры поведения партийных людей.

Нельзя же так говорить.

Можно не называть имен.

Мне не нравилось что, вот, например, член партии выходит через проходную, его не обыскивают и он хоть что может вынести с завода. А обыкновенного рабочего обыскивают, обязательно. Показывать карманы надо. Спирт любили выносить с «Мориона».

То есть к партийным прикасаться было нельзя?

Да, конечно. Дальше, распределение.

Но ведь хорошо, когда не обыскивают людей, чем это плохо?

Но с завода ведь нельзя все выносить. Выносили же много.

А они выносили?

Ну, не только они. Там все таскали, кто имел какой-то блат, еще что-то... Всё что могли, тащили с завода. Раньше так было, и сейчас так делают. Вот когда уже перестройка в конце 1980-х гг., стало спокойнее насчёт этого. Тебе если что-то надо, заплатишь деньги, тебе это выпишут, получишь пропуск и спокойно выноси. Зачем тайно-то выносить? А до этого не было организовано такой покупки-продажи для своих же рабочих. И рабочим приходилось где-то стараться. Где-то чего-то жульничать, чтобы дачу свою устроить, ремонт в доме сделать. Краску же невозможно было купить. Было очень трудно жить. Ни краски не купить, ни белил, ни деревяшек. Гвоздей и то, в продаже не было!

А какие-то еще примеры, почему в партию не хотелось вступать?

Вот из-за этого. Второе: распределение путевок было, курортных путевок. Все члены партии, кто на должностях, все отдыхали чуть ли не каждый год на курортах, а обыкновенные люди получали курсовки, или туристические путевки, но никак не курортные путевки. Вот я на курорт, хотя и была общественницей, работала с подростками, когда на заводе работала, проверяла, как они учатся, ходят ли в школу, чтобы и на работу ходили и учились. Приходилось у некоторых и уроки проверять. Потом была редактором цеховой газеты. Работала в женсовете в цехе. Это же много работы было. Несмотря на то, что я была общественницей, путевок на курорт я не получала, потому что не умела разговаривать с начальством, не была подхалимом. А ведь с начальством надо было лебезить. Так было устроено раньше все.

А что вам не давало ласково, хорошо говорить с начальством?

Не ласково, хорошо, а лебезить. Ну, я не знаю, это было для меня унижительно. Я ведь тогда была еще со строем преподавательским. Человек из комсомола – честный, порядочный человек. Везде должна быть справедливость, везде должна быть справедливость! А тут можно оклеветать было человека, сказать что-нибудь. Собрание собирают и слушают только того, кто что-то сказал, а самого не слушают. Еще у нас было столкновение. Мальчишки у нас работали на конвейере. Подняли бучу. У нас здесь работают, расценки одни, только превысят норму, 120 – 130 %, расценки уже снижают. Раз ты можешь до 130 %, а норма, например 106 % выработки, до 106 % можно срезать эти наценки, то есть больше уже заработать нельзя, вот ты зарабатываешь, предел у тебя есть и все. Ребята возмутились, и был скандал с руководством.

А как они возмутились, кто это был?

Трое мальчишек у нас было. Не помню, как их звали. Я поступила в 1962 г. на завод, а это был 1965 или 1967 г., это было раньше. А потом этих парней нет, мне потом тихонечко сказали, что их уволили. Куда они делись, не знаю.

Ну, в 1965 г., наверное, уже не попали в лагерь.

Один мальчик попал. Не знаю за что, но я его потом встретила в командировке в 1964 г. Не из этой группы, а из другой. Я его встретила на Дальнем Востоке. Спросила, что он тут делает, он говорит: «Какая ты глупая. Тут живу». И всё.

Потому что его в лагерь отправили?

Ну, видимо. Он там на поселении жил.

А как, при каких обстоятельствах, не знаете?

Ничего не знаю. Но это было интересно тогда – с ним поговорить.

Дальше, какие-то им все время давали подарки, продукты, премии. Они всегда получали премии больше. Премии распределялись вообще несправедливо. Руководящие органы всегда получали больше премию.

Но такие вещи – стимуляция материальная, для привлечения в партию, это даже положительная сторона была, но для вас это была отрицательная сторона?

Отрицательная. Мне надо было, раз ты член партии, значит, ты должен быть чистый и очень справедливый. Ты очень должен быть справедливый человек! Честный во всех отношениях, душевный, очень начитанный, очень грамотный. А если ты только имеешь школьное образование, что ты за член партии? Иди, учись. Правда, партия заставляла учиться, что хорошо было, так если ты не имеешь образования – иди и учись.

А откуда у вас сложился такой образ, что коммунист должен быть именно таким?

Я была честной пионеркой. Комсомолкой честной.

Это как в фильме «Коммунист» образ?

Я плохо помню этот фильм, но сильный был фильм.

Коммунист таким должен быть, честным, мужественным? Он таким должен быть?

Конечно! Да.

Вообще на образ честного порядочного коммуниста работало очень многое: кинофильмы, журналы, газеты...

Да, писали о них хорошо, об этих людях.

Поэтому, когда вы видели что-то другое, это вызывало несостыковку, отторжение?

Точно.

Перед поездкой в Польшу вам предложил секретарь парторганизации вступить в партию, а когда еще предлагали?

А потом всё. А потом я приехала, и как-то все замолчали. И у нас там была одна женщина, она мне и говорит: «Почему ты в партию не вступаешь?» А я говорю, «что мне там в партии делать? Мне и без партии неплохо живется». А потом был уже 1988 – 89 гг. Тем более я тогда уже не вступила бы в партию, мы стали знать, что такое репрессии. А теперь у меня вообще плохое отношение к партии. Теперь все открыто, мы все знаем, историю своего отца теперь знаю, матери. Раньше об этом не говорили. «Много будешь знать – скоро состаришься», вот как нам говорили. Или «меньше будешь знать – легче жить будешь».

Была ли боязнь перед вступлением в партию, такая же как перед поступлением в авиационный техникум? Там ведь надо писать анкету, надо рассказывать свою биографию и биографию родителей. Боязнь оставалась?

Не боязнь, но мне не хотелось разговаривать с членами партии об этом. Я ни с кем об этом не разговаривала до пенсии. Маме исполнилось 80 лет, это было в 1986 г. Вот тут посмелее начали говорить. Но на заводе я еще не рассказывала никому. А на заводе я рассказала, когда уже ушла на пенсию. Пришла, там нам организовывали встречи для ветеранов, для сотрудников.

А потом еще столкнулась, я выходила на пенсию, мне было 55 лет и начальнику моему исполнялось 60 лет. И у нас была возможность, кто работал долго на заводе, мог получить постоянный пропуск, когда хочешь, тогда и приходишь на завод: повидаться, пообщаться. Постоянный вход, так что решили, наши девочки, члены партии, они коммунисты, конечно, это 1991 г. уже, так предоставили на получение такого пропуска не меня, а Ленденгольца. Он ведь тоже в этом времени. А ведь он останется работать, а я уйду, у меня мама болеет. Я уйду на пенсию, не буду работать, почему мне не сделать постоянный вход, раз я имею право? Мне ответили: «Ну, что ты хочешь, он начальник, а ты кто?» Он уехал в Израиль, на что ему этот пропуск? А я бы ходила, рассказывала. У нас на заводе много репрессированных. А мне, чтобы попасть туда, надо было просить

разрешение, выписывать пропуск и я только раз писала Городкову, чтобы он бывшим работникам завода, репрессированным, хоть бы материальную помощь выделил. Он без внимания оставил это заявление. Сказал: «Оставьте, я обязательно рассмотрю». Мне пообещал, а сам не рассмотрел. Чтобы спросить с него в следующий раз, мне не дали пропуска. Надо у него спрашивать разрешения, чтобы пройти. Городков – это директор завода бывший.

А он тоже был из коммунистов?

Конечно. Они у нас одесские парни, все в Одессе заканчивали, сюда приехали работать.

А были какие-то примеры из жизни партийных... Какие-то аморальные поступки?

Я мало общалась с коммунистами. Ну, коммунисты, кто были у нас? Вот дядька мой. У мамы моей сестра и у них в родне, когда они были еще до революции и жили где-то в Усолье, у них был писарь – Гладких, так его сын – Толя. Он сразу понял, что такое партия, что такое коммунисты. Вступил в партию, стал коммунистом и преподавал в совпартшколе.

Это в какие годы?

Он того же возраста, это в 1950-х, 1940-х гг. Я знала дядю Толю хорошо. И он никогда не заводил разговоров, компрометирующих партию. Вот развязался разговор. Дядя Толя был Гладких и дядя Толя мамин брат. Они встретились на дне рождения бабушки и что-то они так спорили, так спорили! Я не вникала особенно.

А спор о чем был?

Об отношении партии к народу. Помню что-то такое.

Это уже в 1950-х, после смерти Сталина?

Нет. До его смерти. Я еще училась на первом, на втором курсе, это зима была. Дядя Толя, я помню точно, сказал: «Давай прекратим этот разговор». Ну и все прекратили. Он был стойкий член партии. Из обыкновенных писарей.

Скажите, вот где бы ни учились, ни работали, говорят, что в каждом, даже маленьком коллективе был сексот, человек, который сотрудничал с КГБ.

Я не замечала такого.

К вам никто не обращался с таким предложением, и вы никого не знали?

Компромисса такого не было. Не встречала.

Не было такого подозрения? Разговоров?

Я тогда этого ничего не понимала. Мы не знали, почему мама была в лагере. Почему отца у нас нет, и никто об этом не разговаривает. Почему у нас нет ни одной фотографии. Мы ничего об этом не знали. Это я все узнала, только когда мы с мамой стали разговаривать.

Это уже 1980-е гг.?

Это уже 1990-е гг. После того как я стала в Мемориале работать.

До 1980-х не вникали?

Не вникали. Эта тема была закрыта полностью. Никто не разговаривал, никто не расспрашивал, никто не вникал.

И уже даже привыкли к этому состоянию?

Привыкли не расспрашивать. Не было такого. Бабушка единственная говорила: «Меньше знать будешь – легче жить будет» или «много будешь знать – скоро состаришься» или «держи свой язык за зубами», «молчи», «каждый сверчок – знай свой шесток». «Знай с кем, где и о чем разговаривать», мама всегда так говорила. «Голову на плечах держи, лишнего не болтай».

XX съезд партии запомнился вам как-то? В 1956 г.?

Только тем, что у нас это было в истории и надо было рассказывать об этом. На уроках истории.

Что касается культа личности, для вас это было каким-то откровением?

Конечно, это было шоком. Для нас это был шок. Как это так? А вот как, оказывается. Так вот почему. Тут уже пошли разговоры потихоньку. Вот тогда же бабушка умерла. И уже мама стала говорить: «Меньше языком своим трепли» (т. е. меньше говори – прим. Л. Р.).

Но стали уже о чем-то говорить, мама что-то рассказывала?

Нет, мама нам никогда ничего не рассказывала. Нет, только на уроках. Попадет материал – рассказываешь. Я не историк, я не вникала.

Как вы узнали о XX съезде? Из газет?

Нет, была брошюрка прямо. Я ее не сохранила. Доклад Хрущева был. Я уже работала в 1956 г. На семинаре мы как-то начале разговор об этом в Соликамске, но сразу перевели на то, что поедут на целину, что собираться надо на целину, поднимать сельское хозяйство, выращивать кукурузу. Сразу перевели разговор на эту тему. Обычно мы на семинарах и стихи рассказывали, и песни пели, и разговаривали обо всём. Молодёжь есть молодёжь.

То есть какого-то большого обсуждения доклада Хрущева не было?

Не было. У нас не было. Может быть члены партии, а в комсомоле большого обсуждения не было. Потом мы с ребятами поехали сразу же в походы пошли, летом уже высеяли кукурузу, полости кукурузу. По походам я водила ребят. На Вишеру, на (неразборчиво), на Чусовую. Мы были в каком-то колхозе, остановились на ночлег в школе, пришли рано и пошли полоть кукурузу. Потом выкупались, потом снова пополости на следующий день, и ушли дальше, такой у нас был маршрут. Кукуруза – это корм, единственное, что я могла рассказать ребятам. Что мы поднимаем сельское хозяйство, что будет больше скота. Для чего это надо, вот и все обсуждение.

К Сталину уважительное отношение сохранялось долго?

Долго.

Я это и понял, что это и у вас было долго.

Да, долго. Даже вот Ленин. Как я любила Ленина! Я всегда собирала всю литературу о Ленине. Я все собирала, что где мне попадёт. Книги тоже были дорогие. И вот я собрала всю родословную. Начиная с детских лет. Семья Ульяновых.

То есть у вас библиотека такая была? А в какие это годы было? Когда вы учились, работали?

Уже работала. Потом ездила по путевке на пароходе до Волгограда и были в Ульяновске. В Ульяновске я была раза три. Ходили в музей. Ещё не было большого ленинского комплекса, только домик. Я была в Ленинском домике. По улицам ходила. Были в гимназии, где он учился. Там я начала собирать о семье отдельные книжечки. Отец Ульянова, мать Ульянова, сестры Ульянова, брат Ульянова. Все эти отдельные книжечки собрала даже.

Я уверен, что у вас все эти знания были в голове?

Да, что Ленин – это была «голова».

А Сталин?

Ну, а Сталин, как его помощник. Красивый. Песни про него пела даже. Про трубку. Я сейчас не помню этих слов, что Сталин выходит, трубка там, дым. Хорошая такая песня была. Долго пела эту песенку.

Тогда уважение к Сталину все равно было, в чем оно проявлялось? В 1950-е гг.? Уже умер, но как-то проявлялось?

Понимаешь, вроде больше было порядка, как бы считается, дисциплина была. Много чего не знали. Было спокойнее жить. Мы что тогда знали только? Свою работу. Мы же никуда не ездили, в Пермь никто не приезжал. Мы же иностранцев не видели. В газетах, публикациях печатали только, как там плохо живут. Как у нас хорошо. Сравнение такое было. Стало возмущать меня это уже потом. Я читаю газеты, и даже у меня ненависть какая-то к газетам была, я просмотрю ее и брошу. Значит, статья: и вот хорошо в колхозе и то, и то, и то – все хорошо сделали, здесь на 100 %, здесь на 200 %, здесь на

300 %, здесь новый год раньше на три месяца встретили, всё хорошо, нигде ничего плохого нет. Но назовите людей, кто очень хорошо работает, назовите, каким образом всё это достигалось, назовите, какие орудия сельскохозяйственные там, какие поля, какие бригады, почему эта бригада не выедет на встречу, не расскажет о своей работе? Напиши об этом в газетах. Нет. Там нечего было читать.

И писали о том, как плохо живется другим народам?

Да. А потом, когда я приехала в Польшу и глянула: батюшки, там ни одного клочка земли нет не обихоженного! Там около дома буквально небольшой кусочек земли – цветочки посажены. Везде порядок, везде чистота, дороги. Исключительно дороги, бетонные. А почему у нас такие не сделать сразу? И когда сравнение пошло, и вот тогда начали появляться сомнения. Но это после 1970-го г. Потом я была в Чехословакии, потом в Болгарии. Все это я увидела, всю жизнь. Увидела людей. Оказалось, что это обычные люди, а мне там с ними не давали знакомиться, за мной все кто-то ходил.

А там ходили?

Было такое. Я же очень общительная. Например, у нас была встреча с французами в Болгарии на вечере. Какая-то как раз дата была у французов и они нас пригласили на вечер. Это было в июне или мае. Какой-то свободы день. И праздник был у нас. А я же такая была – со мной тут сразу все и танцуют, разговаривают, а язык плохо знаешь, одно, два слова. Девчушка ко мне сразу какая-то привязалась, маленькая француженка. Семья эта тут ко мне. Все танцуют со мной. А гид ко мне подходит и говорит: «Ну, все, хватит, пошли давай домой, пойдем погуляем». Увел меня. Чтобы я лишку (лишнее – прим. Л. Р.) не говорила с французами. А что я могла сказать? Я языка-то не знаю. Увел. С турками мне не дал познакомиться. Тоже также на танцах турок ко мне привязался, ну мы с ним так разговаривали хорошо, а о чем разговаривали: как кто живет. И тоже меня увел с танцев гид: «Пойдем погуляем». «Ну, пойдем». И все. И увел от турка. Но потом я с одним болгариним очень хорошо познакомилась, со стариком. Он мне рассказывал как они живут, прямо старый дед электрик там был, вот он рассказывал. Ну, со стариком, что будешь, доверяли мне с ним гулять. Вот мы гуляли, он мне рассказывал, как они живут, как у них трудно в Болгарии, как у них очень плохо было с жильем. Плохо было с отоплением. Там тоже плохое есть. Но и хорошего много, там уважение к людям. Большое было уважение к людям.

А когда какие-то противоречия между идеологией и реальностью, которые были? В прошлом интервью вы говорили, что стипендия у вас была, а хлеба не на что было купить, постоянно были голодные...

Да, постоянно были голодные, я до сих пор не могу наестся.

Когда эти противоречия появились? Когда уже сознательная жизнь началась?

Конечно, конечно. Я приехала в город – нет денег. Да мы в деревне еще это видели, как только приехали в 1946 г. из лагеря. Я уже была пионерка, а пионеры, я же вижу, как девочки одеты, как другие девочки живут, а у нас по-другому. Почему так? У меня одни брезентовые туфли на осень, на лето и на зиму. Мы трое носим одни галоши, резиновые бурки сшиты были. А люди живут хорошо. Почему такая несправедливость? Вроде тоже живет с мамой одна девочка, у них почему-то квартира, а у нас почему-то нет. Почему мы гонимые? Вот появились какие-то вопросы.

Потом когда мы приехали в деревню, я стала общаться со всеми. И тоже возникли вопросы: почему? Огородика нам не давали. Квартиру маме не дали, мы снимали квартиру. За это надо было платить. У мамы зарплата небольшая – нас трое. Туго жилось. Пальто у меня было единственное на все четыре года. И то, мама пошла на рынок, не знаю, из чего она выкроила деньги, купила какое-то мужское суконное пальто. Из него мне перешили пальто, и я ходила в таком демисезонном пальто. Приехала уже в 1955 г. работать в Соликамск я тоже не могла. Оклад у преподавателя был 600 рублей, что на них купишь? Ничего. Правда, когда мы заканчивали педучилище, нам давали подъемные – стипендию за все лето и подъемные еще на один месяц. Получилась кучка денег. Но я

ведь поехала работать, надо одеться. Купили мне босоножки, купили мне чесучовый материал, сшили мне макинтош, раньше назывался «пыльник». И потом я получила там зарплату, и еще немного денег оставалось. И я купила себе пальто. Демисезонное пальто. В демисезонном пальто ходила я зимой и летом, осенью и весной.

Это было первое по-настоящему пальто?

Первое купленное мною пальто.

Сколько вам было тогда лет?

19. 20 еще не было. Тяжело жили.

То есть было противоречие между идеологией и реальностью, что мы живем хорошо, но реальность такая трудная?

Да, что мы процветаем, что у нас все в достатке, у всех людей, а конкретно-то нет.

Это в материальном плане?

Это в материальном. С жильем, с домами, с квартирами тоже было плохо. Почему-то дом чекистов и дом семиэтажный, где жили привилегированные люди, а простые жили в бараках, где туалет был на улице, помойка была на улице.

Откуда у вас такое обостренное чувство справедливости?

Наверное, от характера. А может быть от детдома, я же была в детдоме. Ребёнок воспитывается до пяти лет. До двух в меня еще ничего не успели вложить. Я еще только еле-еле научилась говорить. В два года я осталась без матери, без отца и в детдоме. В три года я уже воспитывалась «как все»: как все ты должна быть одета, во столько-то идешь в столовую, во столько-то встаешь, во столько-то ложишься. Как все. А раз «как все», значит, все равно должны жить. А уравниловки на самом-то деле не было! Потом, когда я пошла в школу, я поняла, что равенства нет, «как все» жить не получается. Откуда такое: одна семья живет хорошо, а рядом – плохо. Почему? Вроде тоже отец, мать есть. Ладно пьяницы, или не хотят работать. Хотя раньше такого не было – ты хочешь не хочешь, а должен работать. Ни дня ты не можешь не работать, значит, все работали. А раз ты работаешь, значит, ты должен и получать поровну. Все ведь стараются на работе. Не стараются только лодыри, но это уж другое население.

А с точки зрения нравственной? Образ советского человека, нравственные принципы, здесь тоже было противоречие? Вот вы рассказывали, что когда были в Никулино, там люди пели частушки против Советской власти и Сталина. Это ведь тоже противоречие? А какие еще противоречия такого рода были?

Например, на выборы все ходили. Раньше все ходили на выборы. Сейчас не все ходят на выборы.

Вообще-то выборы должны быть свободными.

А раньше надо было обязательно идти на выборы. И на демонстрации. Не пойдешь – ты уже враг. Мы так тогда не говорили. Но раз не идешь, значит, ты против. Почему ты выступаешь против? Ты должен идти, значит, иди. Можешь не можешь – иди. Все должны идти.

В этом было противоречие?

Ну а как же! Например, я не хочу идти на демонстрацию, не хочу, а я обязана, иначе меня лишат стипендии или еще какой-то выговор мне будет. Так ведь было. И в колхозе бывала. Но там была такая свобода нравов, мне там очень нравилось, в деревне. Стучит, например, палкой в окно: «Авосишна, иди на работу, в такую-то бригаду». «Да отстань ты от меня, у меня еще белье парится. Белье надо прокипятить». Спокойно так вот. Надо всем идти работать, надо идти в поле. Жили плохо и работали плохо. А почему работали плохо в деревне? Потому что оплата была плохая, это было мне странно очень. Очень странно. Вот она уйдет, с утра работает, а у нее трудодней мал-мала меньше. Палочки какие-то ставят на трудодни. На своем огороде некогда работать. Коровы нет, а сдавай молоко на маслобойный завод. Нет же коровы, почему должна молоко сдавать? А со двора столько-то молока, столько-то яиц. Три курицы, куриц кормить не чем, пшеница не на что купить, много они яиц снесут? Но 25 яиц ты должна сдать. Там определенное

количество яиц. Это как-то мне в детскую голову сразу как-то втемяшивалось. Почему это так, почему? Конечно, я не рассуждала, выводов никаких не делала, но это запомнилось.

Я так и понял, что многие люди – видимо, и вы в том числе – чувствовали противоречие, но выводов и конкретных шагов не делали.

Да, выводов не делали. Потому что: не говори и молчи, мало ли, что ты там видишь. Вот будешь занимать большой пост, тогда и будешь рассуждать. Вот люди и добивались постов, а когда добивались, то понимали, что тоже много-то говорить нельзя. Тоже своя идеология была. Свои правила, инструкции, порядки. Занимаешься ты с подростками, должна следить, чтобы они в школу ходили, вот пусть и ходят. Почему они не ходят, ты особо не вникай. Если пьёт, тогда другое дело. Если просто по лени, тогда уж с ним работай. Заработала мало. Как нам мастер говорила: «У нас за забором много народу, на твоё место любой подойдет». Попробуй ты мастеру скажи, что он несправедливо распределяет работу, ты сразу будешь уволен. Сейчас может быть также.

События 1985-го, конец 1980-х гг., когда стал уходить авторитет партии, у вас было разочарование? Что все это рушится?

Мне было интересно, как это все будет, когда будет свобода слова, свобода мысли – свобода, свобода. Как это можно быть свободным? Мы и сейчас не очень свободно ездим, но как это может быть, как будто вернулись в XVIII век, когда можно было спокойно съездить в какие-нибудь Карловы Вары, куда-нибудь еще.

Было интересно?

Конечно.

Просто многие люди испытали жуткое разочарование, они испытывали негодование даже: «Как!? Покушаются на святое – Советскую власть!»

Нет, такого у меня не было. Когда я в 1989 г. пришла на собрание и увидела такое количество людей. Я ведь раньше не видела столько людей всяких разных, собрание было еще не «Мемориала». Первое собрание было в пединституте, почему-то многие говорят, что первое собрание было в клубе строителей, а я его запомнила в пединституте. Там были и священники, анархисты, люди. Фотографии, документы, кто, где мог приколоть – на стеночку, на стол. И между друг другом показывали это все, рассказывали. Тут у меня глаза расширились, аж страшно стало. Думаю, сколько людей и все были возмущены строем и почему, всегда такая мысль была, никто не мог перешагнуть через себя? И почему не было такого Ленина, в обратном смысле, снова встать и народ поднять? Уже потом, когда я узнала о репрессиях, стало понятно, что только мысль такая возникла, и тебя сразу арестуют и расстреляют. Потом уже только я это поняла. А первое время меня это все возмущало. Почему вас столько было, и вы все молчали?! Почему вы все не могли говорить? Но люди молчали из страха, из страха за будущую жизнь, за детей и родственников. Это уж я только потом поняла. А до этого мы верили, что все это справедливо, что Сталин всех нас любит и обо всех нас думает. Как я Калинина любила. Бабушка мне газету принесла «Пионерскую правду».

Вы ее сохранили?

Нет, тех лет еще не сохраняла. Мы там жили плохо. У нас не было где хранить. Одна кровать была на всех четверых. Это уже здесь, на Пушкина. Мы приехали когда сюда в 1946 г., к бабушке у нее маленькая комната и мы все жили тут. Мы четверо, бабушка и сын ее с женой и с ребенком. 11 метров, не больше комнатка – 8 человек жило.

Расскажите, пожалуйста, о маме после лагеря.

Ей очень трудно жилось, и она всегда молчала, никогда с нами не делилась, не разговаривала, и я её осуждаю за это. Надо было ей больше рассказывать о себе, о своей жизни, не держать в себе, а то ведь и сердце, и давление, и инсульт.

А вы не считаете сейчас, что мама хотела вас охранить от этого?

Да, мама нас берегла.

А ещё вы рассказывали, что если в семье были какие-то разговоры, то это всё без вас проходило, потому что вас считали болтушкой?

Да, я была болтушкой. Говорили: «Иди-ка, погуляй». Ну, шла, гуляла. «Что-то ты дома засиделась, Лялька, сходи-ка за хлебом». Я думала: «И чего это они меня все гонят?»

Вы мало помните маму до ареста.

Совсем не помню, я ее увидела, когда мне уж 8 лет было.

Может быть, бабушка говорила, что мама после лагеря какая-то другая?

Я всегда считала маму очень скрытной. Я с ней даже, когда мне было 14 – 15 лет, в том возрасте, когда справедливость сильно развита в детях, и они требуют от всех окружающих, я тогда очень с ней спорила и сердилась, и даже ругалась.

На предмет чего спорили?

На предмет отношения её к нам. Она никогда нас не приголубит, не приласкает, не прижмет к себе, у неё такая отчужденность была. Она от нас отвыкла. Она знает, что нас надо растить, что надо нас кормить, чтобы мы получили образование, не умерли, не болели – и всё. А душевного воспитания она нам не давала. Тем более идеологии никакой. Что школа скажет, так и оставить. Она, по-моему, была сама убита этим арестом. Почему ее забрали? Статья-то какая была – ты знала, что твой муж «враг народа», почему ты нам не сказала? А какой он был «враг»? Мне кажется, что в мыслях она думала, что отец действительно враг. Что он там навражил. Она это относила на своё и его происхождение. Всё-таки он из зажиточной семьи, из кулацкой или из какой там. А мама из семьи священника, это как-то повлияло. Потом дядя Толя всегда говорил, что отец сказал, что он сын священника и он не поступил из-за этого в речное училище. Я говорю: «Что вы такое на отца говорите? Вам было столько лет, а отца уже расстреляли в этом году. Не мог этого отец сказать, просто вы побоялись поступать в училище». Там ведь тоже надо заполнять анкету. Приехал он в Свердловск, там скрыл, что он сын священника и поступил в железнодорожный техникум и окончил его.

Чем занималась мама? Какие у нее были работы?

Она бухгалтер. Повар. Но поваром она больше не работала, как из Казахстана приехали. Работала она расчетчиком, не знаю, какие у нее должности там были, но всегда бухгалтер, потом она была в Никулино бухгалтер-ревизор, ездила по деревням, ревизии делала в магазинах, в ВОРСе она работала.

И это без какого-то особого образования? У нее же не было образования?

Было. Она закончила школу полную. И окончила курсы бухгалтеров при бирже труда. И работала бухгалтером. Тогда считалось это хорошее образование.

Но ведь бухгалтер встречается со многими людьми, он должен общаться с людьми, а мама как?

Молчала тоже, мне кажется. Она в Никулино приехала, там ведь никто не знал, что мы «враги», нас никто не потыкал этим. Но мне кажется, что мама чувствовала это.

И был в школе класс для репрессированных?

Да, нас почему-то приняли в «б» класс. Может быть, это и механически получилось, потому что мест не было, а может это и потому, что мы приехали откуда-то. Почему мы приехали? Наверное, стало известно начальству. Но никто не потыкал нас этим. Но учились мы в «б» классе, а там учились только дети ссыльные.

А такие черты, что мама прятала какие-то документы или еще что-то?

Никаких документов не было, никаких.

Можно сказать, что если какие-то документы у нее и были, то она их либо уничтожала, либо прятала?

Когда маму арестовали, у нас же всё сожгли. Вообще ничего не осталось. Нет ни одной фотографии отца. Все родственники уничтожили фотографии отца. Не может же быть, что у нас не было фотографий? Были фотографии, потому что отец был очень общительный. И фотоаппарат, видимо, был, потому что сохранилось ведь две фотографии наши детские с сестрой.

Может, у родственников сохранились?

Ни у кого не сохранились. У нас родственников мало и ни у кого из родственников нет. Может, в Очёре. Но в Очёре уже давно никого нет.

Но какие-то документы у мамы все равно должны были сохраниться.

Единственную грамоту сберегла бабушка. Грамота 1934 г. – выполнение пятилетки за 4 года. И фотография – вся их бригада – она на «Водоканалтресте» работала еще. Бригада девочек и грамота большая с портретами Ленина и Сталина.

Она сохранилась?

Да, есть. Я ее берегу, мамину грамоту. И фотографию, большая фотография, красивая. Интересная фотография, там девочки такие все красивые – у кого прическа, у кого беретик. Храню бабушкину справку, она почему-то разорвана, бабушкиной рукой написана. Я все это люблю – старину и храню. Я бы и родословную собрала, но не знаю с чего начинать, где и как. Я одна единственная в родне знаю фамилию своих родственников – прошлое. Бабушка, когда мы с ней за самоваром сидели, в отрывках кое-что рассказывала, потом у меня все это собралось вместе.

Какими были взаимоотношения мамы и бабушки?

Холодные.

Большая часть вашего воспитания ведь пришлась на бабушку?

Да. Холодные отношения были. Мне казалось, что мама... Как-то получилось, бабушка же уехала за малиной собирать, а нас всех арестовали ночью, увезли. А в соседней комнате жила мамина сестра – тетя Нина, у нее был муж – дядя Миша, ярый коммунист, революционер, он был много ее старше и мне кажется, он ее выдал. Поэтому мама, когда узнала об этом, наверное, она сетовала, зачем бабушка разрешила тете Нине здесь жить. Потому что квартира, по сути, была маминой. Мама, когда пришла сюда с братьями, ушли они из Усолья где-то в 1920-е гг. Лет 16 ей было. И были пустые квартиры, и она нашла пустую квартиру и стала здесь жить. И зачем бабушка тете Нине разрешила здесь жить?

Обиделась на то, что ее выдали? Она не могла этого забыть, поэтому, когда пришла, была холодна с бабушкой?

И с тетей Ниной и с бабушкой у нее были холодные отношения. Дядя Миша умер во время войны, прямо на работе, на заводе Свердлова, он там был начальником цеха.

Но чувство обиды у мамы было?

Да.

Это ваши предположения или это чем-то подтверждается?

Это предположение. Откровенных разговоров у нас с мамой не было никогда. Единственное, что она рассказывала, это как они хорошо жили, когда она была маленькой. Как ее отец любил, какая дружная была семья, как они хорошо жили. А потом как она с мальчишками, со своими братьями здесь жила плохо. Потом как тетя Нина училась, тоже в педучилище училась в Соликамске. Зачем она вышла замуж за коммуниста-революционера, стала тоже жить в привилегированной квартире, почему их оттуда выселили – неизвестно. Наверное, из-за характера тети Нины.

А что за характер у неё был?

Скандалный у неё был характер. У неё было сильно развито чувство справедливости и она не могла просто поговорить. Сразу в ход руки шли. Драться начинала. Сразу стакан бросит или еще что, если её не понимают. Это с мужем она так разговаривала. Ну и переехали. Тут комната освободилась, они въехали и все. И тут жили вместе с бабушкой. Сын у нее рос. Герка – брат мой двоюродный.

То есть в 1946 г. вы переехали из Казахстана, а через год, полтора, в 1948 г. в Никулино и это время бабушка с мамой жили. А потом больше не было совместного житья?

Нет. Мы же на квартирах все жили. Потом я окончила педучилище, а квартиру нам дали только в 1957 г., а бабушка умерла в 1955 г. Мы жили как, вот я училась еще в педучилище, мама жила еще в Никулино в деревне и мы жили втроем в маленькой

комнатке – брат двоюродный, сестра моя, я и бабушка, а потом и тетя Нина к нам присоединилась. Тесно было очень, потом маме удалось вернуться в Пермь каким-то образом, это был уже конец 1953-го г. или 1954 г.

Вы тогда тоже жили вместе с бабушкой?

Нет, одни, у бабушки комната была. Она там жила с тетей Ниной и с братом двоюродным.

Но все равно друг к другу ходили? Праздники вместе справляли?

Да, праздники – Новый Год, конечно, вместе с бабушкой. У бабушки ещё как было, у нее было два сына и две дочери. И она ко всем по очереди ходила жить. Она когда вышла на пенсию, прожила всего четыре года. Дядя Витя, тетя Нина, дядя Толя и мама. Ну и вот с тетей Ниной она жила, к дяде Толе ходила немножко пожить – поведиться с ребятами. И к нам, когда мы сняли домик, уже была возможность не просто квартиру снять, а домик, так в этом домика бабушка с нами до весны пожила, всю зиму. Нормально пожила. Она хорошо повлияла на брата, брата воспитала, организовала. Его она приучила к истории, вот он у нас историк. Всю историю знает.

Возвращаясь к отношениям мамы и бабушки.

Суховатые. Мама из дома ведь ушла рано, ей было 18, а тут революция, гонения на отца. Мама родилась в 1906 г., ей было 11 лет, когда произошла революция. В 12 лет дети должны жить хорошо и вольно, а тут начались всякие притеснения, церкви закрывались. Отца куда-то отправили в какую-то другую церковь, они скитались из деревни в деревню. Из Усолья в (неразборчиво), потом в Соликамск. Мама сюда уехала, потом бабушка к ней приехала.

Скитаний было много, вроде бы теплые отношения должны быть? Бабушка нашла вас, воспитывала...

Конечно, мама ей была очень благодарна. Но чем она ей могла помочь? Зарплата была маленькая, какое было несправедливое отношение к учителям. Пенсия у бабушки была 350 рублей всего. Ей пришлось работать до 76 лет. В школе, чтобы что-то иметь, немножко денег. Нас же надо было всех поднимать, мы все друг за другом – четверо. Да еще сыновья свои были устроены не очень.

Обыкновенные были интеллигентские отношения – спокойные, ровные, без ссор, без целований и обниманий. Ровные были сдержанные отношения.

А ваши с бабушкой?

Мы же бабушку любили. Бабушка была очень суровая, но в каком смысле: ничего не делай плохо. Она только взглянет и всё, сразу тут молчишь, тишина. И в то же время она нас всех собирала: ко мне друзья придут, к брату друзья придут, к сестре подруги придут – полная комната народу и всех накормит. А чем было кормить – одна лапша. Лапшу приготовит, две картошки: «Ищите, ищите, мясо-то там должно быть. Ну, кто нашел?» С юмором была. Она плохо видела, иногда нитку кто-нибудь вытянет из еды: «Бабушка, нитка!» «Да ты что, Валь, это лапша, а никакая не ниточка. Ну, не нравится она тебе, давай ее выкинем». Шкодные, весёлые были.

Такие отношения у вас и остались до конца?

Да, с бабушкой хорошие отношения были.

Если сравнивать с кем были более доверительные отношения?

С бабушкой.

Даже вы говорили, что приходили и за самоваром общаетесь. А с мамой?

Так мы не жили с мамой. В общей сложности, если посчитать, сколько мы с мамой жили? В Никулино 2,5 года, да здесь – 1,5 года. 4 года. Потом в педучилище я училась, в педучилище в последний год мы были вместе. 5 лет. До своего становления я прожила и всё. А остальное всё время потом, я уже в 1961 г. вернулась, пошла работать на завод «Морион». Голос потеряла, в школу не вернулась. Когда я в садике в Ялте работала, я там голос потеряла. Была большая нагрузка на голос с утра до вечера, а нам же голоса не ставили.

Мама до какого года работала?

Мама долго работала. Тоже, наверное, до 76. У нас Иринка погибла в 1989 г., и я маме говорила, чтобы она работала. И она ходила работала кассиром в парикмахерских. Чтобы горе-то не так тяжело было. Ну, мы с ней неплохо, дружно жили.

Как вы думаете, мамина сухость – это была черта характера или лагерь повлиял?

Нет, это репрессии отразились на ней, арест, работа в лагере. Она просила потяжелее работу, чтобы не сойти с ума. Тяжелая работа, некогда думать, мыслями заниматься. Камыш жали они – мокрые, холодные. Надо было быстрее жать, выносить. Или мешки таскали и только торопят: быстрее, быстрее. Мешки в овощехранилище таскали. И она долго так работала. Еще и старались они там в лагере, чтобы выслуги какие-то были, чтобы их раньше за Зону выпустили. Чтобы письма разрешили писать. А письма разрешили писать только в 1943 г. Она с 1938 г., пять лет не знала, что с нами. Что, как, кого арестовали, кого расстреляли? Они знали, что расстреливали, они в лагере были как «враги», а какие они «враги»? Они тоже не знали, какие они «враги», почему? А может и правда, «враги». И мужья у них «враги»? Они ничего этого не знали.

Я помню, мама бросила как-то фразу: «Вот, бросил нас, поди жив где-то, ходит и не может нас найти». Она все время думала, что он жив. Потому что три похоронки были и все разные, разного содержания и разного года. Может не может или не хочет нас найти, он же «враг народа» был. Такие мысли у нее были. Или он на самом деле погиб – его надо жалеть. Или он жив, но не хочет нас найти, то есть действительно был врагом. Объяснений не было. Документы ей никто не давал читать. Объяснений не было до тех пор, пока я не стала работать в «Мемориале». Да и то, мама погибла в 1992 г., в 1991 г. к ней приезжал брат, мы с ним пошли, тогда только нам разрешили идти на «25 октября» (улица в Перми, где располагается региональная ФСБ и был архив – прим. Л. Р.) и ознакомиться с делом. Я читала мамино дело, а Славка – отца. И сказал: «Не надо тебе, хватит читать, тяжёлое ведь». Потом-то я все равно посмотрела.

Может, мы сходим и скопируем дело?

А разрешат? Давай сходим. А ведь все дела одинаковые. Форма. «Признавайся, что ты был врагом, против Сталина».

Но можно уточнить некоторые нюансы: какие обвинения были, кто обвинял.

В троцкистской группе был, заговор против Сталина. Потопление кораблей, умышленное уничтожение кораблей на Каме. Неправильные сводки по балансировке пароходов, поэтому пароходы тонули. Все чушь. Арестовывали его два раза, оказывается. Первый раз в 1934 г. за что-то там. И второй раз в 1937 г. И ведь всю группу арестовали – диверсионная группа.

У мамы были какие-то друзья, подруги?

По молодости не было никого. Она не дружила ни с кем, пока я училась в школе. Когда я училась в педучилище, тоже друзей не было. А когда ей было общаться? Единственное, у нас была врач, они были вместе в лагере. Она общалась только с тем, кто был с ней в лагере и сюда вернулся. Вот этих только. Врач была Батакова. Она жила на Малой Ямской, я ходила к ним в гости, знакомилась с ее приемной дочкой, воспитанницей. Были с мамой, потом я одна была. Мама меня посылала узнать, как они живут, с днем рождения поздравить, еще что.

Потом я ходила, с мамой сидела в лагере портниха в Оперном театре, она жила на Горького, 44 или 48, на углу. Без мамы я ходила. Мама меня послала найти ее. У меня девочка из детдома поступила в хореографическое училище, это был 1958 г. Нужны были туфельки, а где их купишь, ни у меня, ни у нее денег не было. У меня была маленькая зарплата, где я их куплю. Вот мама мне и сказала найти ее, я пошла в Оперный театр, рассказала ей про маму, она мне про себя рассказала, пригласила в гости, была у нее в гостях, потом на день рождения посылала, мама заходила к ней потом.

Потом общались с мамой Петровой Юлии Павловной, мама тоже с ней сидела. К ним мы часто ходили, они жили на Второй Вышке (микрорайон Перми – прим. Л. Р.), теперь на Комсомольском проспекте она живет. А потом еще при жизни мамы Потапова Нонна Петровна нашла, все хотела, чтобы мама что-нибудь про отца рассказала.

До этого у неё друзей, как у нас сейчас – на день рождения, ещё что-то – не было. Телефона не было. Его провели только мне в 1991 г. Никто к нам в гости не ходил. Куда к нам идти? Квартиры у нас не было. В гости, так надо с чем-то идти. Мы ходили к родственникам, к дядюшкам, к тетюшкам. У бабушки ещё сестра была – тетя Саня, учительница. У нее была дочка – тетя Юля, вот они с мамой дружили. У мамы был приятель, когда мы вернулись на пушкинскую в 1946 г., артист из Оперного. У него отец был артистом и он потом артистом стал, по-моему, Драмтеатра. Вот они общались немного. Но как общались, вот он ее проводит до дома, потом встретит, проводит до работы. Вот и все общение. А в гости не ходили ни к кому. Гостились с соседями. Шаньги, пироги стряпали, вместе стол собирали, ели.

А помните, чтобы мама приехала после лагеря, и чтобы вы смеялись, шутили?

Ну, да. Мама шутила. Она любила нас. Всегда какую-нибудь хохму (шутку – прим. Л. Р.), какие-нибудь песни. Мы книги читали. Что у нас было интересно, мы вместе много читали книг. «Читка» была вечерами.

Какие книги читали?

Пушкина мама очень любила, Толстого, Чехова. Горького читали вечерами. Сказки читали. Собираемся. Неля любила у нас вышивать. Брат просто сидел. Когда маленький был, он вязать любил – варежки, носки, это он вязал. Постарше стал, просто так сидел. Мама, носить-то нечего было, мама сидит штопает, починяет, зашивает. А я читаю, как обычно. Я устану, мама читает. Выразительно мама читала. Я тоже. Неля со Славкой не любили читать. Читали много. Читали еще в лагере. В Никулино мы читали много. Там керосиновая лампа была, но керосина не было, заправляли соляжкой. Она горит, и мы читаем. Традиция с лагеря осталась.

Мы в кино ходили вместе, в театр ходили вместе. В Оперный, в Драмтеатр, в ТЮЗ, все спектакли там видели. В кино ходили, все новые фильмы смотрели. Дорого было, но все равно ходили. Мама любила. Телевизора не было. В Соликамск меня мама увезла. Там подтрунивала надо мной: «У тебя, мол, в детском доме, пионеры – женихи твои, ровесники». У нас там детский дом был небольшой. И выходцы из детского дома учились в техникумах в Перми и на каникулы приезжали в детский дом, а куда им было деваться? И вот они приехали летом на каникулы, а я приехала в августе, каникулы еще не закончились. Все дети тут были. Я иду знакомиться в детский дом, а они уже кидают: «Вы новая пионервожатая!» А ребята в волейбол играли и они мячиком кинули, а я в своем пыльнике, давай в волейбол играть, мама надо мной хохотала: «Пыльник-то порвешь!» Ну, вот так и познакомились.

Что ещё весёлого было? Вот, например, я в Никулино любила подражать кому-нибудь, переговаривать. Я любила очень слушать радио, а радио было мало – одно или два. Мы когда жили у тети Нюры, у неё было радио. И я всегда утром вставала, слушала «Пионерскую зорьку». В школе мы учились попозднее, чтобы ламп не было электрического света и когда светло станет, мы ходили в школу. И «Пионерскую зорьку» я всегда слушала. Там всякие рассказы были, не только о работе пионеров, там и читали шуточные рассказы, стихи и я любила передразнивать и читала вечером. Соберутся деревенские, все почему-то к нам приходили. Мы же из города приехали, всем интересно было. То один прибежит: «Дай картошки! А что это вы тут делаете?» Сядут и сидят. «Савосишна! Есть там кружка квасу?» Это по отчеству. В деревне редко кого называли по имени – по отчеству или по прозвищу больше. А мы городские были, так меня так и звали, как звали. Я Алёна была всю жизнь. «Чего она такое там опять треплет? Ну-ка расскажи

вот это! А вот это!» Ну, начинаю рассказывать. Смеялись. «Хватит, Лялька, хватит». В деревне весело было жить.

А вот вы рассказывали, что когда жили еще в лагере, к матери там сватались какие-то люди?

Был. Был.

Она же молодая была?

В 1946 г., когда приехали, 40 лет всего было. Конечно, молодая. Она работала в ВОХРе – военизированная охрана, в столовой. И мама все время шутила по этому поводу, что «врага народа» поставили кормить охрану, я ведь могла бы накормить всех – отомстить за мужа, за себя». Но ведь почему-то её поставили. И там был солдат. Не знаю, кто он был. Такой дядя Вася, лысый. И вот он к нам пришел, посидел с нами, сделал нам чернильницы из патронов, подарил всем троим. Что-то нам рассказывал, какие-то байки интересные, но не про войну. Ушами поиграл, уши у него двигались, но он лысый был и мне это неприятно было. Мама потом нас спросила: «Вы бы не хотели, чтобы дядя Вася стал нашим папой?» Мы говорим: «Не-е-ет, зачем нам такой лысый папа!»

Хотя сами-то папу и не знали?

Нет, не знали. Может быть, Неля помнила. Но она сейчас не вспоминает ничего – не помнит. Она должна была помнить в детстве, но разговоров-то не было, и она забыла. Ей же было 4 года все-таки.

Маме во время работы уже не предлагали в партию вступить?

Боже упаси! Конечно, нет.

Как вы считаете, мама критически относилась к партии?

Она никогда не разговаривала. Никакой политики, ни о какой партии, чтобы мы меньше болтали. Об отце – тем более никогда не говорили. Это пока мы в школе учились. А вот когда я уже постарше была и начала ее пытаться, только тогда она начала рассказывать. С братом они немножко разговаривали на эту тему. Но сейчас у него тоже ничего не узнать. Он уже все путает. Он болен сильно. На почве всего. Он сетует на все. Что в лагере 8 лет провел, что всё болит, всё испорчено и т. д. Работа была тяжелая психически, он был следователем. Он окончил высшую школу МОП – Министерство охраны правопорядка. В Москве. Работал в Мурманске, работал здесь.

А как так получилось?

Он пошел работать на завод, на телефонный. И получил зарплату. А он у нас длинный, почти два метра и худой, был такой подросток 18 лет. Он шел с работы, попросили его поработать сверхурочно, и он поздно и далеко шел домой. На него напали парни – хулиганы. Его избивали, отобрали зарплату. Парни, конечно, разбежались, когда милиция появилась. А его милиция забрала и дали ему 15 – 17 суток.

За что?

За драку. Его обидели, у него все отобрали и его же забрали в милицию. Мама ждет парня с работы. Я работала в Соликамске тогда еще. А его нет. Утром она пошла в милицию. Пришла, он там, на [улице] Ленина. С лопатой работает 15 суток. Он пошел в армию служить, раньше армия считалась престижной. Оттуда ребята возвращались повзрослевшие, возмужавшие. Он из армии пришёл – мускулы выросли. Три года служил. Первый год он служил на Украине. Там тоже было несправедливо, там ещё действовали всякие отряды – бендеровцы. Там девочку, была Оксана, парни за косы привязали к дереву, поиздевались, испортили девочку, в общем. Их бросили на розыски. Он у нас был член партии. Тогда он пошел туда. Когда он пришел, мы все были в таком возрасте, когда ходили на танцы. А хулиганства было много и с танцев идешь – боишься. Когда я в педучилище училась во вторую смену, меня даже наши дворовые мальчишки приходили встречать, мало ли что. И ребята собрались и организовали отряды – оперативные отряды, молодежные, комсомольские. Первый был создан в Ленинском районе и Славка возглавил этот отряд. Подобрал ребят, всех сильных, мощных, справедливых и вот они ходили по

улицам, боролись с хулиганством. На танцплощадки приходили и хулиганам заворачивали руки и проучивали.

Это была неофициальная структура?

Официальная. Всё шло через комсомол. Боролись с хулиганами. Чтобы было спокойнее. Сначала была милиция. У нас раньше был на каждом квартале свой участковый, мы их тогда все знали, он даже нам говорил: «Вот свисток, свистните! Я сразу прибегу». Они дежурили по ночам. И раз Слава так проявил себя... А отряды работали хорошо, потом их стало больше, потом речное училище организовало отряды, ребята собирались эти у нас. Потом организовались отряды на Дзержинском заводе. Все стало расти, и его пригласили в милицию. Первое отделение милиции, у нас в Ленинском районе. Руководить всеми этими отрядами. Он руководил, а потом появилось объявление, что можно поступить учиться, курсы при «Башне Смерти» (простонародное название здания областного МВД – прим. Л. Р.), здесь сдадут экзамен и поедут учиться. И ему предложили. А он у нас плохонько учится. Я сказала: «Иди, поучись, все равно тебя протолкнут!» И он пошел учиться и закончил эту школу. Хорошо окончил в Москве.

А ведь все знали, что он был на спецпоселении?

Не разговаривали на эту тему. Никто не знал. Только в милиции, наверное, знали. Мы тогда не говорили на эту тему.

Ну а автобиографию как он писал?

Наверное, заслуги его учитывали. У него много орденов было.

Как вы считаете, он тогда не стеснялся истории с мамой? Папой?

Молчал и мне говорил молчать.

А вы когда общались, что говорили?

Когда меня спрашивали, где мой папа, я говорила, что в 1937 г. погиб в Испании. А в школе говорила, что погиб на войне. Может учителя и знали, но у нас этого в школе не было. Нас не допекали. Нас никто не упрекал, бедные мы и все. Я также получала бирки. Дети, которые плохо жили, им давали бирки, на приобретение обуви, например. Обувь было не купить. Мама купила наволочку на эту бирку и сшила мне платье.

А как плохо жили у нас в Перми татарские семьи! У меня было много друзей татар, я видела, как они трудно жили. Семьи у них всегда большие, детей много рожали, жили в бараках, много было детей-инвалидов. Вот у меня подруга татарка – Маша (неразборчиво), она была последняя в семье, все уходило на работу и в школу. В садик не принимали, садиков тогда было мало. Садики и то, только для привилегированных. Она инвалид. Она сидела все время у порога. Было страшно и холодно, у порога дуло, заработала ревматизм. Плохо жил народ. Потом стали получать квартиры. Уборщикам, дворникам стали давать квартиры, вот это пошло. Стали рваться в дворники и уборщицы, чтобы жить в комнате. Это уже 1948 – 49 гг. Из татарских семей матери не работали, хотя и заставляли работать, женщина могла не работать, когда большая семья. Тогда большой считалась семья, где 5 детей. У нас была знакомая семья – там было 5 детей, 6-ая девочка умерла, и потом мальчик умер. Осталось их 4, мать была дома, домохозяйка, это была привилегия. Дети все ухожены, чистенькие, присмотрены. У неё муж мог прирабатывать. У них был велосипед, они хорошо жили.

Вы в прошлом интервью говорили, что мама как-то плакала, когда вы шалили?

Нет. Она плакала в тишине. Я что-то не спала тогда, а мама была из гостей, выпивши, и расслабилась. И разревелась, что не смогла устроить свою судьбу: детей много, денег нет, жить негде, мужа нет. А почему она потом замуж не вышла – нас берегла. Ей мы были дороже. Раньше ведь так было: либо ты замуж выходишь, либо ты детей растишь. Не принимали дети. Да и сейчас не очень-то принимают отчима, редко. Но сейчас проще это.

А если рождались дети вне брака? Это считалось плохо?

Я вообще-то редко встречалась с такими детьми. Я знаю, как нам мама говорила: «Гулять гуляйте, но голову держите на плечах, честь свою берегите». Если с парнем встречаешься, так чтобы он не знал, где ты живешь, чтобы не мог прийти, когда матери дома нет. «Дома не встречайтесь». А домой приходили только те друзья, которые «друзья». Которые были надежные и хорошо относятся к нам. А тех девочек, которые рожали без брака, называли проститутками. Гулящие. Даже я на заводе работала, у нас были девочки – хорошие девки, весёлые, красивые, но гулящие. Были нормальные девочки, гуляли, гуляли, да голову знали. А эти девочки вольные были, по-другому воспитаны. Работали много, получали много, красивые были, хорошие девочки, но вольные. Но поведение некрасивое, неблагородное.

Мама после лагеря как относилась к праздникам – 7 ноября, 1 мая?

Обязательно платье шилось или что-то обновлялось, подшивалось, стиралось. Обязательно праздник. Пирог стряпался, если была возможность. Или готовилось что-то вкусное. Мама обычно стряпала «Наполеон» – это было дешево и вкусно, просто. Готовился суп. Покупался кусочек мяса и варился жирный наваристый суп. Обязательно праздничный обед. Праздники все справлялись. На Новый Год обязательно ёлку ставили. Игрушки никогда не покупали на ёлку. Когда уже взрослой стала, стала покупать. Раньше все сами клеили, шили. Я очень хорошо шила, кукол всяких.

Наверное, что-то оставалось от прошлых лет?

Мы жили на квартирах, всё выбрасывалось. К каждому Новому Году шились новые игрушки. Не было возможности покупать игрушки – надо было платить за квартиру, покупать дрова. Постоянно переезжали. Найдем что-то подешевле – переезжали. Или надоели квартиранты – опять переезжаем. Никаких вещей никогда не было. Одно платье, одно белье.

Какой объём вещей был, когда вы переезжали из одной квартиры в другую?

Да ничего не было! Простынь была одна-единственная. Подушки даже и одеяла нам давали хозяева.

А личные вещи? Полотенца, зубные щетки?

Какие зубные щетки!? Чистить зубы начали, когда порошки появились. Не было ни щеток, ни порошков в продаже. Зубы чистили пальцем, углем натирали.

Каждый день?

Нет. Когда хочется куда-то идти – на танцы, например, найдешь этот уголь или соду и вымоешь. Гигиена стала прививаться только тогда, когда люди стали жить хорошо. Мне кажется, это уже после Сталина. Даже больше. Когда не стали преследовать за то, что ты не работаешь. Тогда, по-моему.

Может, стало больше времени на себя?

Может быть, а может, стало что-то появляться в промышленности. Начали появляться порошки. А ведь даже детской присыпки не было в магазинах. Маме часто приводили детей поводить маленьких и она учила молодых женщин купать, обходиться в первое время. Зубным порошком или мелом, которого было много, присыпали ребенка или мукой, манкой.

А мылись как?

В баню ходили. А в доме только умывальники. Раз в неделю в баню. Да ещё и мыла нет. Придешь в баню и смотришь, не выбросил ли кто обмылок. А первое время за мылом все куда-то ездили. Мама с собой Славку брала. Мыльноваренные заводы. И выменивали там, покупали, например, на платье из которого мы выросли. Если у кого-то появлялось туалетное мыло, это было событие, это богатый человек. А полотенце было одно на всех.

Наверное, никто рядом с вами и не говорил о счастливом детстве, настолько это было нелепо?

Конечно.

А вот противоречия как-то не связываются.

Мне кажется, так устроен человек. Жили и жили, вроде так и надо и никаких потребностей. Мама, бывало ляжем, говорила: «Доживем ли мы до такого времени, что у нас у каждого будет своя кровать? Или простынь, пододеяльник, подушка с наволочкой с белой». Мечтали мы так. Я с куклами так играла. Шила кукол и вот шла по городу, смотрела на платья женщин и думала, что мне бы вот такой лоскуток и такой, лоскутков не было для кукол, чтобы сшить. Поэтому шили малюсеньких кукол. У них были кровати из спичечных коробков, плели кровати из подорожника. Стульчики, кровати. Коробочки подбирали. Клетка у нас была у всех. Были большие коробки у всех девочек, не помню, откуда брали и это был дом у кукол. Кровать, стол, постель – играли. О том, что жить тяжело, мы тогда не задумывались, все так жили.

Вы стали пионеркой, когда жили на спецпоселении, при Зоне, «26-ой точке».

Сестру стали принимать в пионеры. «И я хочу в пионеры!»

А мама как отнеслась к тому, что вы стали пионеркой?

Обыкновенно. Никакой реакции. Только помню, единственная реакция у всех матерей там, на спецпоселении, это в День Победы. Там я даже праздников не помню. Там и Нового Года не помню. Какая там ёлка? Там степь. 7 ноября я там не помню. Единственный праздник, который я там помню – День Победы. Когда по радио объявили День Победы, все тут стали бегать, прыгать, скакать. Подушками кидаться. Радоваться, обниматься. И давай всех наряжать. У кого что было.

Там же разные дети появились. В 1944 г. разрешили всех детей привозить. И нам сначала угол выделили в бараке, где матери жили с детьми, а потом целый барак. Зону подальше убрали, освободился зонковский барак, и в него мы переехали. Это была зима 1945 г., там что-то было про Новый Год. Появилась бумага, и делали какие-то игрушки из бумаги. У нас же бумаги не было, когда мы учились. Писали на фанерках, потом на журналах, а тут уже появилась бумага в 1944 – 1945 гг. Помню, хлопушки сделали из бумаги, нитки были, мы еще вязали варежки для фронта, большие такие из толстой пряжи. За варежки нам давали дополнительный обед с кусочком масла. Суп из пшена, кусок масла плавает, кусок хлеба – это был обед-шик. Мы все вчетвером ходили обедать, потому что вязали много варежек.

Для вас вступление в пионеры было праздником?

Я не помню. Был праздник, у нас был концерт в клубе, хор у нас был.

Это был там единственный прием в пионеры?

Там, да.

А вы тогда знали уже, кто такие пионеры?

Да. Мы знали даже, кто такие октябрята. Мы читали книжки. Стихи какие-то были на уроках, мы их читали. Тогда еще на галстуках были зажимы, тогда еще не завязывали.

А откуда на «26-ой точке» взялись галстуки?

Красили. Я помню, что красили. Там у нас была у всех малярня. Там, когда идет вода в арыках, орошение полей идет, очень много малярных комаров. А лечили хинином и акрихином, какие-то таблетки красного цвета. И вот их раздавишь, они дают красный цвет. Красили белый материал этими таблетками. Первые галстуки были крашенные.

Они не теряли свой цвет при стирке?

А где было стирать? Мы не стирали галстуки. Чем там стирать-то? Я помню концы галстука наматываешь на карандаш мокрыми, потом разматываешь сухим – он уже глаженный. Утюгов-то не было. Или мама нас как учила, намочишь кофточку или платье и мокрые под матрас, пока спишь под матрасом, всё высохнет и выгладится. Так гладили. А зимой бараки отапливались печурками, «буржуйками». У них железные трубы и галстук гладили на трубе, труба же горячая. Или вымочишь и о край стола тянешь, чтобы выгладить.

А галстуки постоянно носили?

Нет. Вот в Никулино я постоянно ругалась, что ребята галстуки не носили. Малыши носили, а старшие ребята – нет. Редко. Мы когда из города приехали в галстуках, так нас все дергали за галстуки.

Я хотел спросить, вот мама жила в лагере и представления о советском образе жизни как-то поменялись тогда?

Мне кажется, мама никогда не была «советской». Я думаю, она рвалась к той старой жизни. Потому что она очень часто вспоминала, как они жили до революции.

Поэтому интересно, как она отреагировала на то, что вы стали пионеркой?

Да никак, просто так. Даже и когда комсомолкой стала, никак не прореагировала. Праздника не устроила, ничего. Я где-то, когда-то прочитала, что праздник устраивали. И как-то высказала ей, «что ты мне, мол, ни на первое сентября праздника не устроила, никак?» Каприз нашел на меня, я начала ей выговаривать.

Это когда было?

Когда уже в училище училась. Мы часто ходили пешком. Денег на транспорт не было, ходили пешком. Идешь и надо же о чем-то разговаривать, а на меня псих нашёл. Я давай выговаривать. Она говорит: «Ну, ну. Еще что-нибудь скажи». Я шла дорогой и ругалась. По-моему, единственный раз такое было. Она сказал: «Ну, всё, хватит. Вон до того столба дойдешь, не устанешь?» «Не устану». «Давай стихи читать». «Давай». Идем читаем стих: «Однажды в студёную, зимнюю пору...» «Ты чего два шага на слово сделала? Надо один шаг». Развеселила меня. И всё прошло. Голодные ещё были все. Голодный идешь пешком.

А были еще какие-то примеры того, как члены семьи помогали друг другу, кроме того, что вы рассказывали, как дяди искали вас в садиках?

Например, была война, мы в садик уже не ходили. И вот дядя Толя или дядя Витя приедут с работы откуда-нибудь. Дядя Витя был проводником на железной дороге и возил деньги рабочим. А дядя Толя был машинистом. Он возил раненых, не знаю с какого пункта. И всегда, когда они приезжали из дальних поездов, всегда с подарком, что-нибудь, да какую-нибудь безделушку. То книжку, то вырезки из книжек. То в коробку конфетку замотают. Или дядя Витя мог паука завернуть с большими ногами. Я заору и лезу куда-нибудь вверх. Было весело в этом плане.

А потом это как-то проявлялось?

А потом – да. Когда мы жили уже здесь на квартирах, у дяди Толи и дяди Вити были свои домики. Так вот с огорода обязательно первые огурцы, помидоры, лук даже, всегда нам приносили. И картошку давали. Дядя Витя женился, они построили хороший дом, огород у них, сад, ягоды были. Ходили собирали ягоды. Придешь, всегда пособираешь, поешь. Варенье не варили – сахара не было, и хранить негде было. Впрок не было раньше. Капусту солили всегда. Всегда была бочка. Огурцы – такого не было, не было много.

Про родственников спрашиваю, потому что многие отказывались помогать репрессированным родственникам.

У нас это были родные родственники. А вот с бабушкиной стороны, там были холодные отношения с родственниками. Они ходили к нам в гости, пока тетя Юля была жива, а когда она умерла, тетя Саня почему-то не приучала девочек ходить к нам. Сама приходила, а Люка с Азой придут, немного посидят и уходят домой. Они жили лучше нас.

Тетя Саня вышла замуж за хозяйственника Сенькова. Это был такой психотерапевт, его дядя. Так муж работал завхозом при психиатрической больнице. Они жили хорошо материально. И общались с нами только «по датам». Мы к ним ходили в гости. К нам-то что придешь, угостить нечем. У них даже был работник из деревни – мальчик Митька. Из деревни привозили кого-нибудь, чтобы он пожил и по достижении определенного возраста, получил паспорт, а тем временем помогает по хозяйству. В доме живут они. У меня подружка тоже так жила, приехала из деревни – водилась с ребенком,

вела хозяйство, мыла полы, готовила, стирала, гладила. Дожила до 16 лет, и сделали ей паспорт как члену семьи. И про стирку я уже рассказывала.

Да, и про театр. Как они вас не дождались.

Да, до сих пор обидно. Они сказали, что мы опоздали, а мы не опоздали. А просто были плохо одеты и они постеснялись с нами идти. А мама нам быстренько сшила пиджачки из такой серой ткани, сейчас ею пол можно мыть, рабочие брюки из нее шили. Она достала эту ткань и сшила быстро пиджачки. Новая была ткань.

То есть были люди, которые помогали, и были люди, которые стеснялись бедных людей?

Да. Я помню, уже в педучилище училась, и мне захотелось побывать в их семье, у тети Сани. Или я уже работала в школе. И вроде повод, что мне нужна литература, они же все учителя. А литературы не было в магазинах, и я повод нашла – методическую литературу у них какую-нибудь попросить. Так вот тетя Саня ко мне нормально отнеслась, а Аса с Люкой ко мне холодно отнеслись. Я в таком платье ободранном была.

Как вы думаете, то, что ваша семья жила так бедно, связано с репрессиями или все равно также примерно и жили бы?

Без отца же жили. Был бы отец, по-другому жили бы. Все-таки работник. А то мама одна, ей и заработать надо, и нас одеть, и накормить, и воспитать. Конечно, благодаря репрессиям.

Это надолго осталось у вас, через всю жизнь прошло? Было желание выбраться из этого?

А ведь не знаешь как? Нас не учили этому. Я не могла льстить. Не умела заводить блат. Был маленький круг общения. Работала в детском доме, только там и общалась, в самодеятельности общалась только с ровесниками, а они все из рабочих семей. Конечно, хотелось бы выбраться, но как, мы не знали. Даже когда пришла на завод, мне оклад повышали понемножку совсем. Прямо говорили: «Тебе на что, ты одна живешь».

Материальное неблагополучие чуть ли не в течение всей жизни, когда оно начало осознаваться?

Пока была молодая – об этом не думала. Это началось, когда Ирка росла, брата дочка. Она погибла в 1980 г. Я еще как-то пыталась заработать, приобрести. Надо растить ребенка, садик требовал шитье к празднику. Она красивая была, общительная. Но чтобы нарекания какие-то были, не было ничего такого. Какая-то я неприспособленная была, чтобы себе заработать. Сейчас думаю, какая же я дура была. И вот сейчас бесплатно работаю на «Мемориал», а уйти не можешь.

А осознание пришло уже после 1980-х?

Да. Нищим не подаем, но и голодом не сидим.

А в 1940-50-е гг.?

А там радуешься всему. Новую покупку сделал и уже радуешься.

А было ощущение, что вы бедные? Вы же видели, что ваши сверстницы живут побогаче?

Просто не общаешься с ними. Кто побогаче, попрестижнее живет, мы старались с такими не общаться. Они сыты, одеты хорошо, у них и свой круг. И у нас свой круг общения. Это на меня не давило. Ну и что, что бедные? Я сшила сама себе платье, пришла на танцы, танцую и выгляжу не хуже девочек. Я даже за платье получила премию, ситцевое платье. Надо одеваться так, как тебе идет.

И ещё важно, общительный ты или не общительный. Вот это всегда поражало. Человек должен быть общительным. Относиться хорошо к остальным людям. Человек есть человек, а не зверь. Ирина у нас такая же росла. Когда гулять сильно уходила, я ей говорила, «тебе подружки важнее». А она мне отвечала, «а ты меня чему учила, если ты подружкам нужен, то и общайся». А она всегда была востребована, вокруг нее всегда был

народ. И вокруг меня также. Мне некогда было думать о себе. И так до сих пор. Лишь бы я была сытая, и было настроение.

А помните какой-то первый факт, как в доме появились нормальные деньги? На которые действительно что-то можно купить?

Да, что ты! Когда я получала аванс, Ирина росла маленькая, уже говорила, то есть это где-то 1966 г. Я завела себе привычку: получаю аванс, захожу и что-то себе покупаю. Тогда ведь очень трудно было и с хлебом, и с тортами, и с яблоками. В очереди до 1970-какого-то года за яблоками стояли. Кофе, масло, сыр, были только в центральном гастрономе на [улице] Карла Маркса. Кофе к празднику. Идешь, 100 грамм купишь и на весь трамвай аромат. Я иду с работы, получаю зарплату или аванс, заходила в магазин на углу Ленина, там стряпали торты из мороженого. Покупала булочек или торт дешевый. Или очередь за яблоками. Обязательно постою, давали не более 3 кг в руки. Если очередь очень большая, то не стою, потому что закончатся. А если кто-то знакомый, то моргну и пристроюсь. Куплю и в сетке это все. А Ирочка бежит и кричит, «Алечкин получку получила!» Она меня все время Алечкин звала. И садимся за стол, чай. Едим, радуемся.

А еще случай, когда выплатили зарплату после ареста отца и матери и вы купили всей семье пальто. Это тоже было ощущение хороших денег на руках?

Ой, да, конечно.

А какие платья, вы говорите?

Это я получила первые отпускные. Приехала из Соликамска, это был 1956 г. летом. Преподавательский отпуск и каникулы. И мне попал конец лета, самое хорошее время в городе и пошли. У нас платьев не было ни у кого. У нас даже карточка есть, мы пошли потом, сфотографировались. Маме и Неле купили штапельные. Ткань была штапель и ситец. Ситец был самый дешевый, а пошелковистее – штапель. Он очень хорошо сидел в платьях. А мне какой-то ситец, а потом пошли и все вчетвером сфотографировались. А потом какая-то дата. И появились у меня деньги и возможность одеться. И я купила себе на костюм. Тоже эта карточка есть. Я сшила шикарный костюм, сшила в мастерской. В Соликамске. Пиджак и юбка, я такая ходила королева на танцы в Соликамске. Я на танцы приду и сразу же: «Ангелина Владимировна! Поучите, как вальс танцевать». И дети и взрослые. Весело. Несмотря на то, что мы были бедные. Несмотря на то, что репрессированные «враги народа». Мы как-то старались от каждого дня получать какую-то радость. Что мы все вместе, что мы живы, что мы живем.

А вообще в семье бабушка, дедушка священник, в вашей семье как относились к религии вообще?

Мама говорила: «Верить не веришь, а людям не мешай». Бабушка была религиозная, несмотря на то, что учительница, тайно, но ходили. И когда меня только нашли из детдома, она меня водила во Всесвятскую церковь. И там ночевали даже в церкви, не знаю, что за службы были, где-то в уголке расстелили пальто и дети там все спали, а наши бабушки молились.

Вас крестили?

Меня крестила не родная бабушка, а мы же жили хорошо, когда отец работал. У нас была нянька и мы с сестрой друг за другом родились. И нянька сказала: «Я с нехристями водиться не буду». Папа сказал: «Я об этом не слышал!» А мама ей сказала: «Втихаря окрестишь, молчи. Я тебе разрешаю». И она нас схватила и окрестила обеих. Мама даже не помнит, как ее звали, бабушка и «бабушка» звали. Года три она у нас была.

Когда была сознательная жизнь, никакой религиозности у вас не было?

Не было. В церковь я не ходила. Единственное, атеист я самый натуральный. У меня была приятельница, подружка сестры, мы все с ней обсуждали, у бабушки нашли Евангелие, по-моему, на старославянском и втихаря прочитали. И вот мы с Риткой все спорили, какие там противоречия в религии. Один говорит так, другой этак. Мы с ней хохотали над религией. Ходили по берегу Камы и говорили, что это и правда «опиум для народа». А сейчас у меня странное отношение к религии. Я не сказала бы, что я не

верующая, но и что не верующая тоже не могу сказать. Что-то единое общее есть. И кара, и карма. Я в это верю.

А у мамы не было религиозности после лагеря?

Нет. Не было. У нас и икон в доме не было. И свечи редко ставились. Так, изредка мама иногда скажет, хоть бы свечку зажгли. Или начнешь ругаться, ссориться. «Лоб бы хоть перекрестила», так вот скажет. Или куда-то пойдешь, скажет, чтобы бог с тобой был. Или получится что-то хорошо, то скажет что-то вроде слава богу, бог нас заметил. Она была действительно верующая, но она в тайне верила. Уже в последние годы перед ее гибелью, я как-то зашла в ее комнату, посмотреть, спит или не спит, а она молится. Крестится и молитву читает. Единственный раз я заметила. Она вообще была верующей, потому что она любила своего отца и всегда о нём рассказывала. Весёлые интересные вещи об отце своем. Как он с ними играл, как воспитывал, как приучал к культуре, к учебе.

Существовал страх, что репрессии могу повториться? После возвращения из лагеря или еще когда-то?

Нет, не тогда. А вот в последние годы мне страшно. В наше время. Как-то страшновато. Народ глупый. Партия одна. Мы-то молчали. С подругой ночью ходили разговаривали на всякие темы. По нашей, по [улице] Советской, у нас спокойно было из-за оперотрядов. В карты любили играть.

А опасений не было?

Нет.

А у мамы?

Мама боялась. Всегда боялась за нас за всех. Поздно дома нет, и она уже не спит, ей плохо. Не дай бог арестовали. На завод когда меня долго не принимали, документы проверяли, мама очень сильно переживала. В 1961 г. Только по блату приняли, через Борклянского. Долго документы на проверке были. Три месяца меня тянули, долго не принимали. Приехала в январе, на работу вышла только 8 марта. 8 марта на заводе отмечали.

У мамы какие-то страхи оставались?

Мама боялась всю жизнь. Даже когда я пошла в «Мемориал» работать, мама говорила: «Как вы все это рассказываете? Хоть поосторожнее там говорите». На демонстрацию вышли на первую. Она тоже, прямо боялась. Мама говорила, «сразу же потом домой приходи». Но не ругалась. Только говорила: «Как вы это пойдете? Страшно ведь». А потом я все это ей рассказала, как милиция стояла, как всё было. Она говорила: «Надо же». Мы так и говорили милиции, что мы вас не боимся. Когда ходили просто на демонстрацию, стояли дежурные с повязками, редко они стояли, а мы когда проходили, так с облсовпрофа стояла милиция в два ряда, и стояли к нам лицом.

Вы говорили, что у отца было предчувствие, это мама рассказывала?

Мама. У отца было день рождения 6 июля, я рассказывала. Милиционер прошёл и отец побледнел. Это был 1937 г., а он был уже в 1934 г. арестован. Просидел месяц, но и этого хватило.

А больше никаких предчувствий не было?

Нет, больше никаких. Потом она уже рассказывала. Мама про себя рассказывала, как они пришли на работу, они работали на 3-ем водоканале, еще до ареста отца, приходим, а нам сказали, что директора арестовали. Тут мы все, конечно, притихли. У нас там зам какого-то начальника сидел, приходим, а его стол пустой. Его нет, значит, арестовали. Молчим все. Одного, другого, потом директора судозавода, главного инженера, потом группу инженера и отцовскую группу, тоже группу. Прямо «черный ворон» подходил к проходной, они через проходную ходили. И опять «черный ворон» приехал. Или ночью спишь, когда выгнали из Курьи и жили у бабушки, а Пушкина была не автомобильная дорога, только лошади ходили. Как только машина проедет, всё,

насторожишься, не раздастся ли стук в дверь. Проехали, слава богу, пронесло, дальше спишь.

А она, наверное, знала, что пойдут аресты жен «врагов народа»?

Нет, не было этого. Только потом уже узнала. Она все время верила, что её отпустят. Даже когда ей отец сказал, «забирай детей, поезжай к родителям», она и то не поверила этому. И тут не поверила. Сказала: «Что-то брать с собой?» «Нет, мы только съездим, вы отметитесь и отпустим». Мама ушла в одном платье и только одна пеленка на брате. Никто ничего ей в тюрьме не дал. Она надеялась на лучшее, что все сожгли, отобрали, выгнали с работы, и хватит. Трое детей, не возьмут. Надеялась.

Ощущение какой-то ущемлённости, страха было в связи с тем, что вы не поступили в авиационный техникум?

Был не страх, обида. Что я не могу поступить. Ребята поступят, а я не поступлю, я же не знала, что они тоже из репрессированных. А они поступили. Валерка Львов. Аля еще поступила Сироткина, но она была дочка начальника ВОРСа. Если бы я знала, что они такие же репрессированные, я бы не побоялась. Мама еще говорила: «Давай вместе пойдём». А я пошла одна. Взяла эту страшную анкету, шла, шла в задумчивости, добрела до этого педучилища, даже не знала, где оно. Мне там дали простую бумажку – напиши заявление и приняли.

Там без экзаменов принимали?

С экзаменами. Мы сдавали историю, русский устно и письменно, математику устно и письменно и конституцию. Пять экзаменов сдавали.

Конституция был отдельный предмет?

Да. Был отдельный предмет. Шесть экзаменов я сдавала, каждый день, без подготовки. Литература.

Какие-то еще маленькие страхи были в связи с репрессиями? Как-то проявлялся этот страх?

Когда Неля замуж не вышла, был у меня такой страх. Это было где-то в 1958 г. Она дружила с парнем, который заканчивал Бахаревское авиационное. И вдруг он... Как они хорошо дружили, такие веселые были, жизнерадостные, он к ней так хорошо относился, она к нему. Мы все думали, что Нелька выходит за него замуж, готовились. Она у нас хорошенькая была. Мама её всегда наряжала более ли менее. И вдруг он с Нелькиной подружкой, девчонкой из деревни. Мы так и решили, что она легла с ним спать, отдалась ему, и он на ней женился. Я теперь только поняла, что ему *не разрешили* (выделено мной – прим. Л. Р.), потому что они все заканчивали и ехали на Байконур, там же развивалось. Он бы туда не смог поехать.

Я на примере Холмогоровой Лидии Николаевны поняла это. Она дочка священника. Во время войны работала на Свердловском заводе. А парень работал в группе заказчиков. Это особая группа приема продукции, представители военных организаций, майоры и т.д. И она дружила с мальчиком из заказчиков. И вот День Победы отмечали, был вечер. Они дружили очень хорошо и их считали женихом и невестой и собирались всем сказать, что женятся. И вдруг, надо идти в ЗАГС, а он уезжает, и никто не знает, почему он уезжает. Плохие подозрения. Она ревела, а потом сказала матери, что хочет куда-нибудь уехать. Мать ей сказала, «возьми путёвку», и она уехала отдыхать на Украину и уже не вернулась. Написала маме, что выходит замуж, она хорошенькая была. Прошло очень много времени, создали «Мемориал». И она решила найти своего этого парня. И она подала в розыск, узнала откуда он. Она нашла его в Волгограде, купила путевку на пароход и поехала до Астрахани. В Волгограде первым делом пошла его искать, нашла адрес. Там ей сказали, что он лежит в госпитале, она пошла в военный госпиталь. И он увидел ее, обрадовался, очень хорошая была встреча, они поболтали все там время. И он просил её простить его, на колени встал и всё рассказал. «Что мне сразу сказали, когда мы объявили, что мы поженимся, мне сразу сказали, что она дочь священника. И ты не имеешь права на ней жениться. Если женишься, то мы тебя

разжалуем. Либо ты уезжаешь в командировку в Китай». Это был 1945 г. И он туда уехал. Нельзя было ей говорить об этом. После этого разговора он прожил еще полгода и умер.

Я думаю, что с Нелькой у нас эта же история получилась. И я потом Нельку пытала, как она за Тимку вышла. Он же подводник, военный, муж ее. Она сказала, что «тут никто этого не спрашивал». «Мы были знакомы один день, я ему не успела рассказать, а когда потом рассказала, что я из репрессированных, он говорит, что сразу знал, потому что в ЗАГС тоже пришли документы». Разрешение военному надо, чтобы жениться. Но она тут жила, у нее никого не было. Репрессирована она была не здесь и женился. Не стали так строго на это смотреть. А Севастополь тогда был закрытый город, я туда по разрешению ездила. Он в Севастополе на ней женился. Она работала в Саках. В Саках и зарегистрировались.

Как мама говорила, она готовилась к побегу в Очёр или нет?

Не готовилась. Не поверила. Папа ей сказал об этом, она ему ничего не ответила, сказала только, чтобы он не переживал, что все будет хорошо. Она всегда так у нас всем говорила. Она всё равно успокаивала.

Какие разговоры были среди старших в семье, когда дяди приходили?

Они всегда хотели, чтобы мы были грамотные. Развитые. Например, дядюшки всегда надо мной издевались. Зададут какие-нибудь коварные вопросы – отвечу или не отвечу? Шарады, загадки, ребусы, кроссворды или песенку споют, знаю ли оперу. Раз хочу стать учителем, должна быть всесторонне развитой.

Помните, вы рассказывали, как вы попали в детский дом, как было ощущение, что вы остались одна? Когда все ушли на прогулку, а вы остались одна? Одевались и пели песню. Все ушли на фронт, а вы остались одна.

Да, я очень хорошо это помню. Себя в этот момент. Как я сижу слева, шкаф передо мной, внизу выдвижной ящик, в этом ящике наши ботинки лежали, что ли. И я ничего не могу на себя надеть. Я почему-то долго не умела одеваться. Бабушка – уже из детдома в баню ходили – она всегда меня одевала, а то на меня никогда ничего не лезло: ни чулки, ничего.

А вообще этот страх остаться одной, он еще как-то проявлялся?

Я всегда боюсь тишины, темноты до сих пор. Я везде зажигаю свет, когда нет никого дома, музыку включаю или читаю что-то.

Телевизор включаете?

Нет, не люблю телевизор. Включаю, только если идет какая-то юмористическая программка или ретрофильм или общеобразовательный.

Страх остаться одной где-то еще так ярко проявлялся?

Когда мы с ребятами ходили в поход, когда мне было 19 лет, мы ходили на Вишеру. Со мной была еще одна воспитательница. Нас было двое взрослых. Нам только по 19 лет и мы повели ребят в поход. Не имея никаких данных, навыков, ничего. Единственное только из педучилища, но у нас ведь никаких не давали ни удостоверений, ничего. Мы сами по себе решили. И вот мы с Томкой решили удалиться по «своим делам», ребят оставили на горе, а сами пошли за какой-то камень. Сделали «свои дела». Постояли, поохотали, собрались возвращаться и не можем выйти. Ребят слышим, а выйти не можем. Заблудились. Как же мне было страшно!!! Что ребята там остались без меня, что с ними будет. Тут я, кажется, впервые богу взмолилась! Чтобы нам выйти. И давай вспоминать все причуды деревенские. Мы часто за клюквой ходили, за грибами и говорили, если заблудишься, то переодевайся. И я говорю, «Томка, давай, переодевайся». Давай наизнанку переодевать майку. Давай с ней переодевать. Кричу: «Ребята, где вы находитесь!» и только так выбрались. Там камни на горе были. На Полюде мы были. Там тогда только деревянная будочка стояла и все. Тут было очень страшно. Я всегда за кого-нибудь боялась, за себя меньше. За маму, за Ирку. Мама уйдет, а мы со Славкой сидим, ждём, не оставила ли нас мама насовсем. Или мама разозлится, скажет: «Уйду от вас, живите как хотите!»

Это когда было?

Когда мы в деревне жили. Сестру-то бабушка брала. А мы с братом вдвоем. Мы сидим, спать не ложимся, боимся, чтобы мама нас не бросила.

Ваша семейная жизнь как сложилась?

Никак. Мне некогда было.

Вы совсем замуж не выходили?

Выходила, но на немножко. Но я вышла только для того, что все замуж выходят и мне надо выйти. Я дружу с мальчишками, и у меня есть подружки. И эти мальчишки женятся потом на моих подружках.

Я, например, уехала из Соликамска, дружила с очень хорошим мальчиком – Коля Елизаров. Он мне нравился и я ему нравилась. А Томке все говорили, что замуж не выходишь, такой парень! Судьба, видимо. И тут на дороге они встретились, у нее день рождения был, он шел с завода, а она из детского дома. На дороге где-то встретились. А он как? Он мой адрес написал на спичечный коробок помадой, шел с работы ночью, закурил, последнюю спичку зажег и механически бросил коробок в пруд. Когда выбросил, опомнился. А шёл над самым глубоким место, где омут. Нырять, нырять, ну, где ж коробок поймать? И всё. У подружки спросил. Она то ли специально, то ли не специально, все верно сказала, кроме названия улицы. Он к себе в Ленинград в отпуск поехал. Всю улицу обошел, до Ленинградского поезда у него много времени было. Он ночью шел. Ходил, ходил, спрашивал, не нашел. А потом встретился с Тamarой, спросил как дела. Рассказал, как мой адрес потерял. Она ему пообещала мой адрес дать, но потом, так как спешит на свой день рождения. Он в шутку сказал, «а ты меня пригласи». Она говорит, «так ведь у нас девичник». Он отвечает: «Ну и что?» Ну, вот и всё! Женился он на ней.

Потом мы встретились лет через 10. Я поехала на курорт, а они тоже из репрессированных: и тот и другой. Узнали, что можно уехать на родину, на Северный Кавказ. И они уехали туда. В Соликамске-то все там репрессированные. У Тamarы-то очень интересная судьба, у подружки у моей. И я им написала, где отдыхаю и мой день рождения, и они мен сказали, «чтобы на свой день рождения ты была у нас». Я приехала позднее. По адресу пришла, все на работе. Ребята знают, что я должна приехать, пустили меня. Я как учительница, давай уроки проверять. Он не мог урок выучить по истории, историю не любит старший сын. Я сижу, учу с ним, стою на стуле спиной к окну и разбираю урок. И Колька пришел. Вот мы встретились. Любовь.

Но потом надо было замуж выйти. И вышла. Вася человек интересный, вроде три года переписывались, дружили, а поженились – разные люди. В ЗАГС не пошли уже, заявление подали, а потом не хочу и все, не надо. Ну и все. Придумала повод поссориться. Мы два месяца гражданским браком пожили.

Я слышал такое мнение, что многие женщины из семей репрессированных выходили за партийных или каких-то таких людей. Может быть это форма защиты была?

Да, наверное.

...Чтобы компенсировать чувство ущемленности, чтобы быть уверенной, что придешь и никого не арестуют?

Ради семьи, наверное. Чтобы у детей все нормально было. Чтобы не было характеристики, что там кто-то у них репрессирован.

А при вас были такие случаи?

Есть такие. Только что уехала Явстраповская Лидия Адамовна. Специально вышла замуж за русского, чтобы ее не упрекали, что она немка, фашистка. На стройке был Абрам Явстраповский. Поляк он. Но он не из репрессированных. Просто работал там на стройке, в лагере. Ей было с ним спокойнее.

А некоторые выходили именно за репрессированных?

Тогда уж точно единомышленники.

Человек, который понимает?

У Нонны Петровны муж репрессированный, но она не знала. У меня были воспоминания Кожина Николая Николаевича. Он был из репрессированных, а жена у него не из репрессированных. Она вышла за него замуж, несмотря на это. Хотя знала. Он был там на спецпоселении, а она молоденькой девушкой закончила техникум и приехала туда работать бухгалтером. И вот он всё приходил, юморист такой. 10 лет отсидел, а всё анекдоты рассказывал. А потом отсидел и обратно вернулся, так всю жизнь и проработал на заводе. 63 года стаж у него.

Я хотел бы поговорить об АЛЖИРе, «26-й точке». Какие там были взаимоотношения между людьми?

Очень хорошие.

А почему, как?

А мне кажется, там все одной судьбы, все из одной зоны. Тут посёлок, а тут зона. Четыре ряда колючей проволоки и охрана, проходная, вышка, а тут бараки-мазанки. Из соломы, из камыша делали эти мазанки. В домиках жило начальство. Начальник охраны был у нас Баринов. Беспаловы тут жили. Нелька Беспалова моя подруга. Потом домик для учителей. Учителя отдельно жили. Школа была. Семилетка, по-моему. Посёлок был большой за Зоной. Права выезда не было никуда. Вокруг только степи. Когда надо было, нас вывозили в посёлок Кокчетав на машинах. Первый раз мы ездили на машинах. А потом мы даже ездили на поезде. А у нас только голые степи. А потом появилась бахча. Народ стал выходить из зоны. Появились арбузы, огурцы. Дыни. Стали обживать земли вокруг посёлка. Мы через заборы лазили с ребятами. Нуты назывались ягоды, мягкая такая черная ягода.

В бараке, где вы жили, жили только женщины с детьми?

Мы жили в женском бараке. Мы приехали почти первые. Были мы с детьми и рядышком жила девочка Света. Она у нас в школе была пионервожатой, с мамой они жили. И всё. Остальные дети были в школе только у обслуживающего персонала.

Чем занимались женщины?

Они работали и при посёлке, и при зоне. Мама была поваром ВОХРа, а потом счетоводом в посёлке. Там фабрику построили прядильную и женщины теребили и пряли шерсть. Потом мы вязали из этой шерсти варежки.

Как люди относились друг к другу?

Ссор не было никаких. Распрей никаких. Там в бараке была старшая – тетя Мира или Мика. Солидная такая женщина, красивая, черные косы. Мама говорила, что она была болгарка.

Тоже по 58-ой статье?

Там все были такие. Но она следила за порядком в бараке. Летом так было и в каникулы, и когда в школу ходили. Придём, там пусто, учебники бросим, там общий стол. Нары вокруг. Четыре ряда, двойные нары. В большом проходе в конце стол стоял. Кто читал, кто шил, все собирались за этим столом.

А кушали где?

Каждый у своих нар. В своём закутке, где тумбочка. Голод был. Плохо ели. Нам уж только выделяли побольше хлеба и патоку давали, потому что мама с детьми.

Взрослые давали, а начальство?

Это от начальства и было. А взрослые сами не могли ничего достать. Хлеба, помню, было. Бабушка ещё когда была, вроде хлеба много было. Я обидела её даже: вроде утром был хлеб, мне с детского взгляда казалось, что хлеба много, а к вечеру его уже нет. А когда стали есть, мама говорит: «Будем есть без хлеба, хлеба нет». А я на бабушку: «Хлеба-то много было». Бабушка: «Что я съела этот хлеб?» Обидела бабушку. Это в бараке было, когда бабушка нас привезла.

Бабушка никогда не рассказывала, что мама до ареста была такая-то, а после лагеря стала совсем другая? Были одни привычки, а сейчас совершенно другие?

Она всегда говорила, что мама была очень песенная, очень много пела. А когда мы в лагере её увидели, я только раза два слышала, чтобы мама пела. Она перестала петь. И бабушка спрашивала: «Что Нинка, песен не поёшь? Совсем тебе нынче?» Не знаю, что мама ответила. Как-то к нам гости пришли, я болела. Как раз и маму попросили спеть, она что-то спела.

Что спела?

Не знаю. Песню. Очень мама любила «Рябину». Потом «Сижу за решеткой в темнице сырой». «Узника» очень мама любила. Потом какую-то про поля песню. Народные все песни пели. Когда компанией собирались, она что-то немножко подпевала. Это уже здесь, в Перми. В бараках не помню, чтобы мы пели. Хор среди детей был. Что мы выступали в праздники – это я помню. Читали стихи, ставили пьесы, хор был. А чтобы взрослые выступали – не помню этого. Там стали нам показывать кино. Первые фильмы я там посмотрела.

Какие фильмы показывали?

Первый фильм нам показали про девочку. Девочка осталась одна в доме ночью, родители в гости ушли. Она испугалась, закрылась подушками, одеялами и чуть не задохнулась.

Любовь была в лагере?

У меня была. Я со второго класса влюбляюсь. Даже с первого. А среди женщин... Так там ведь мужчин не было.

Но там ведь были вохровцы?

Единственный случай с мамой. А так я и не видела. Татьяна Ивановна, моя учительница, была не замужем, они вдвоем с дочкой жили. Не знаю, где был отец их. Мама говорила, что она из репрессированных. Очень нравилась всем эта учительница, моя первая учительница. У всех моих подружек не было отцов.

Мальчишки тоже с матерями. Единственное, к нам в третьем классе пришел мальчик, Вася. Василек мы его звали. С отцом приехал. Отец был военный. А мать у них вроде удавилась, не знаю где и почему. Знаю только, что мы потом стали над ним издеваться. Бегали по сугробам, кидались снежками и кричали: «Не попал, не попал, свою мать закопал!» Татьяна Ивановна как это услышала, задала нам шороху, всему классу: «Как вам не стыдно?! У Василька такое горе, а вы еще издеваетесь над ним!» И нам тогда так стыдно стало, что мы так издеваемся над ним. У Али Беспаловой отец был, но он из начальства.

Я не видела там какой-то особой любви. Когда праздновали вечером День Победы и у нас уже были деревца, собрались все под ними. Мужики появились, пиво пили, воблу ели. Пиво откуда-то появилось. Вобла была. Воблы каждому принесли. Мешки с воблой и всем раздавали. И мы ели эту воблу и пили пиво какое-то.

А вы же маленькая была?

Это я помню. Очень хорошо День Победы помню.

Вы же маленькая была, как же вам пиво дали?

Люди же пили, что ж было не попробовать? Немножко там.

Какая вообще моральная атмосфера была в лагере?

Спокойная. Мы были очень дружные. Например, очень много было клопов летом. И чтобы клопы нас не ели, выводить их было нечем, и мы все выходили спать на улицу далеко-далеко от бараков. И когда мы приехали первое лето, у нас шапок не было. А там как: днем жарко, а ночью может быть мороз. И все спать всегда выходили в меховых шапках. И кто-то сразу дал и Неле, и мне меховые шапки. Папахи кудрявые белые: «Зачем мне шапка, мне жарко!» «Надевай! Ночью замерзнешь!» И действительно – ночью мороз, холодно. И под одеяло лезешь поближе к маме. Все рядышком спали. И праздник – 9 Мая меня поразил. Все стали наряжаться. А что надеть? А что у нас надеть у детей? А там были дети из Москвы, из Ленинграда. Они приехали с вещами, с платьицами. И тут стали искать платья на меня, на Нелю. Подпоясали, подшили и мы в школу пошли нарядные. А

перед 1 сентября всегда шили девочкам платья – марлевые. Марля темная была. Мальчишками костюмчики: шорты и пиджачки. И мы все ходили в этой форме, пока было жарко. А зимой все ходили в халатах. Старшие дети носили зеленые халаты, а младшие – синие. У Нели был зеленый халат, у меня синий.

А фотограф там был?

Должен был быть, но он был в лагере, видимо. Маму там фотографировали. Есть маленькая карточка. Мама говорила, что когда разрешили письма писать, тогда и фотограф появился. Три подружки, там все вместе, очень мелкая фотография. Там мама шибко худая, очень страшно.

Можно будет принести все фотографии, бумаги, всё отсканировать и сразу отдать?

А на что?

Чтобы было понятно, если о маме будем говорить, чтобы были фотографии. Чтобы они были рядом с вашим рассказом. Грамоту мамину, документы. Это здорово!

Справка есть интересная у бабушки: прошу прописать детей таких-то, таких-то, находившихся у меня на иждивении. Бабушка имела право прописать только нас. Маму не имела права. Почему маме и пришлось ехать в деревню. Ей не разрешали жить в этом городе. Без права проживания в областном городе – такая была справка у мамы.

И газеты хотелось бы посмотреть. Интересно посмотреть, какие события отразились в человеческой памяти.

Калих собирался издавать газету «Время» и газета не пошла. А мы были первые, кто подписался. И он написал мне письмо, что если хотите, можете забрать деньги назад, Я храню это письмо. Всего было 2 или 3 экземпляра этой газеты.